

СТЕФАНЪ ФОНЪ-КОТЦЕ

ГИШНОТИЗЕРЪ

РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ А. Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1909

345-81

2007338392

Типографія А. С. Суворина. Зртеловъ пер., д. 13

I

Докторъ Жакъ Шаркоттъ сидѣлъ за завтракомъ и читалъ «Times».

Маленькій, черноволосый человѣкъ съ подвижнымъ лицомъ оливковаго цвѣта, съ темными, глубокими глазами, онъ былъ типичнымъ представителемъ уроженца южной Франціи. Его происхожденіе сказывалось и въ его манерѣ одѣваться, въ особенности въ пестромъ галстукѣ съ громаднымъ бантомъ въ видѣ бабочки.

Хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Англии, все же окружающее не имѣло на него никакого вліянія.

— Къ чему я стану это дѣлать?— неизмѣнно отвѣчалъ онъ, когда кто-нибудь изъ знакомыхъ указывалъ ему на странность его костюма.— За англичанина меня все равно никто не приметъ, хотя бы я и одѣвался на англійскій ладъ, носилъ американскую обувь, цѣлый день пыхтѣлъ короткой трубкой и пилъ за завтракомъ виски съ содой. Сама природа какъ бы положила на мою наружность свое veto.

— Да я и не жалѣю объ этомъ, задумчиво прибавлялъ онъ.

Знакомые смѣялись и оставляли чудака въ покоѣ. Друзей у него не было; пожилая экономка, родомъ также изъ южной Франціи, вела его хозяйство. Несмотря на многолѣтнее пребываніе въ Лондонѣ она съ трудомъ объяснялась по-англійски съ купцами, рабочими и тѣми, съ кѣмъ ей, поневолѣ, приходилось имѣть дѣло. Знакомыхъ у нея не было, да къ тому же вѣчно надутое и надменное выраженіе ея лица и не возбуждало ни въ комъ желанія поближе узнать ее. Звали ее Розина Феканъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ докторъ Шаркоттъ переѣхалъ изъ Сити въ сѣверную часть Лондона Айлингтонъ, чтобы безъ помѣхи предаться своимъ научнымъ трудамъ, что невозможно было сдѣлать въ центрѣ города съ его громадными домами-казармами. Онъ снялъ помещеніе въ одной изъ тѣхъ многочисленныхъ виллъ, которыя расположены вокругъ цѣлаго моря домовъ миллионнаго города, куда клеркъ, купецъ и чиновникъ отправляются послѣ долгаго сидѣнія въ душныхъ конторахъ отдохнуть на лонѣ природы въ видѣ крошечнаго палисадника около десяти квадратныхъ метровъ, отдѣляющаго домъ отъ улицы.

Изысканныя названія, написанныя золотыми буквами, красуются на воротахъ каждой виллы, и ни одному изъ ихъ обитателей и въ голову

не придетъ проставить прозаическій адресъ, вродѣ: «Манчестерская улица, 117 в.» нѣтъ, на этихъ визитныхъ карточкахъ города красуется: «Вилла розъ» или «Викторія», или «замокъ Вэверлей».

Родъ занятій доктора былъ покрытъ мракомъ неизвѣстности даже для самыхъ любопытныхъ сосѣдей. Онъ рѣдко выходилъ изъ дома и еще рѣже принималъ гостей. И гости эти были не менѣе оригинальны, чѣмъ самъ докторъ.

Зато между виллой и большими библіотеками шелъ постоянный и оживленный обмѣнъ толстыхъ книгъ, старыхъ фоліантовъ, о глубокомысленномъ содержаніи которыхъ можно было судить уже по однимъ переплетамъ; однако эти книги не давали никакого ключа къ разрѣшенію загадки, хотя обитательницы Гюркской улицы останавливали посыльныхъ и разглядывали названія книгъ. Названія были совершенно непонятны и говорили не больше, какъ если бы онѣ обратились съ разспросами къ самой миссъ Феканъ.

Докторъ Шаркоттъ никогда не вступалъ въ разговоръ съ обитателями улицы. Во время своихъ рѣдкихъ прогулокъ онъ ходилъ, словно въ гипнозѣ, несмотря ни вправо, ни влѣво. Вначалѣ онъ сдѣлалъ было исключеніе для своей хозяйки, владѣлицы виллы «Омела». Онъ замѣтно оживился послѣ переселенія на виллу, забросилъ научныя занятія и охотно болталъ съ ней о своихъ путешествіяхъ и жизни въ чужихъ краяхъ.

Но въ послѣднее время онъ забросилъ и это знакомство къ большому удивленію м-съ Люси Уигъ, красивой, томной блондинки, лѣтъ тридцати, въ синихъ глазахъ которой сверкала насильственно подавляемая любовь къ жизни. Она только что было начала принимать участіе въ своемъ новомъ жильцѣ, который такъ пріятно нарушилъ однообразіе ея жизни. Со всей наивной порывистостью своей расы—она была ирландка по происхожденію—она выказала, даже, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, свои чувства къ интересному иностранцу.

Съ тѣхъ поръ докторъ Шаркоттъ отстранился отъ нея.

Мужъ молодой женщины, Томасъ Уигъ, казалось, былъ очень доволенъ внезапнымъ разрывомъ дружескихъ отношеній между женой и жильцомъ. Это былъ мрачный, коренастый чело­вѣкъ съ испуганнымъ взглядомъ глазъ подъ взъерошенными бровями. Его почти истерическая нервность составляла странный контрастъ съ богатырскимъ сложеніемъ. По профессіи онъ былъ бухгалтеръ. Но дѣла его, повидимому; не процвѣтали и ему пришлось, скрѣпя сердце, отдать внаймы половину своего домика.

Но если замкнутость доктора Шаркотта и его застѣнчивость объяснялись тѣмъ, что онъ жилъ въ чуждомъ дѣйствительности отдаленномъ мірѣ среди фантастическихъ образовъ и научныхъ проблемъ, то м-ръ Уигъ, извѣстный всѣмъ въ

окрестности, очевидно, намѣренно избѣгалъ общенія съ сосѣдями. Поэтому обитатели Йоркской улицы, знавшіе его по наружности уже нѣсколько лѣтъ, пришли къ заключенію, что у него нечиста совѣсть и называли его домъ — «Вилла Тайнъ».

М-ръ Уигъ обращался крайне деспотически со своей женой и единственный дочерью, дѣвочкой лѣтъ 9—10. Онъ не позволялъ имъ заводить никакихъ знакомствъ, не допускалъ никакихъ развлеченій, почти лишая свободы, и обѣ онѣ такъ боялись его, что не осмѣливались возражать на это.

А между тѣмъ, казалось, онъ по-своему былъ привязанъ къ женѣ и маленькой Мэри. Пока онѣ подчинялись его маніи къ уединенію, все шло хорошо, хотя онъ и тогда ничѣмъ не проявлялъ своей привязанности къ семьѣ. Его нельзя было упрекнуть ни въ дурныхъ привычкахъ, ни въ порокахъ. Онъ не пилъ, не курилъ; работалъ, если только находилъ работу, и самымъ добросовѣстнымъ образомъ заботился о своей семьѣ.

Но и дочь и жена радовались, когда онъ уходилъ изъ дома; въ его присутствіи онѣ не осмѣливались говорить, не только смѣяться. Неприятный блескъ въ его почти всегда опущенныхъ глазахъ прогонялъ всякое проявленіе веселости. Должно быть и неуспѣхомъ въ дѣлахъ онъ былъ обязанъ своему угрюмому характеру. Несмотря

на всю дѣловитость и старательность онъ не могъ получить хорошаго мѣста. Ему не довѣряли.

Докторъ Шаркоттъ пробѣжалъ политическій отдѣлъ газеты и разсѣянно сталъ перелистывать ее дальше.

Вдругъ взглядъ его упалъ на заголовокъ: «Тайнственное самоубійство», напечатанный жирнымъ прифтомъ. Внизу стояло: «Смерть бухгалтера Томаса Уига».

Докторъ взволнованно разгладилъ листъ и прочелъ краткое телеграфное извѣстie:

«Береговые сторожа нашли вчера вечеромъ на утесѣ вблизи Фолькстона мужскую одежду. Такъ какъ одежда не могла принадлежать кому-нибудь изъ купальщиковъ—утесы въ этомъ мѣстѣ достигаютъ нѣсколькихъ футовъ высоты и опускаются отвѣсно въ воду,—то рѣшено было обыскать ее. Въ карманѣ оказалась визитная карточка: «Бухгалтеръ Томасъ Уигъ. Йоркская улица, 7, Айлингтонъ». Въ портмонѣ нашли бумажку въ фунтъ стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ серебромъ. За ленту шляпы было заткнуто письмо, адресованное женѣ покойнаго. Письмо было вскрыто полиціей и, насколько намъ удалось узнать, содержало нѣсколько прощальныхъ словъ и сообщеніе, что авторъ письма рѣшился лишить себя жизни, бросившись со скалы, такъ какъ не въ состояніи болѣе выносить муки постояннаго напряженія. Жена пой-

метъ, что значать эти слова. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился избѣгнуть преслѣдованій, которыя грозили довести его до безумія... Полиція занята разъясненіемъ этихъ загадочныхъ намековъ. Предпринятые немедленно поиски трупа не привели до сихъ поръ ни къ какому результату».

Докторъ внимательно перечиталъ эту замѣтку, потомъ откинулся на спинку кресла, подперъ голову рукой и задумался, пристально смотря на крошечный садикъ и тихую улицу.

Онъ сидѣлъ, погружившись въ свои мысли, пока въ комнату не вошла экономка и не начала собирать со стола. Тогда онъ внезапно пробудился отъ задумчивости и поспѣшно всталъ съ кресла.

Онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, поспѣшно снялъ пестрый галстукъ и старательно повязалъ черный. Потомъ онъ провелъ нѣсколько разъ рукой по своей густой шевелюрѣ, одернулъ сюртукъ и вышелъ изъ квартиры.

— Вы забыли шляпу!—крикнула экономка.

— Я не ухожу изъ дома!—коротко отвѣтилъ докторъ и захлопнулъ дверь.

Онъ позвонилъ на другомъ концѣ коридора и подождать нѣсколько времени, пока ему отворили. Несмотря на темноту передней, онъ разглядѣлъ заплаканное лицо Мэри. Она съ изумленіемъ взглянула на него.

— Такъ мама уже знаетъ? — тихо спросилъ

онъ и нѣжно положилъ руку на кудрявую головку дѣвочки.

Новый потокъ слезъ былъ отвѣтомъ. Рыдая, дѣвочка схватила руку доктора и прижалась къ ней лицомъ.

Докторъ не останавливалъ ея; но наконецъ, видя, что она не перестаетъ плакать, онъ попробовалъ утѣшить ее.

— Дѣточка, да вѣдь еще навѣрное неизвѣстно, умеръ ли твой отецъ! И знаешь, Мэри, тебѣ надо взять себя въ руки и быть твердой ради твоей матери. Подумай, какъ ты огорчаешь ее своими слезами. Вѣдь это ей вдвое тяжелѣе!

Но дѣвочка плакала все сильнѣе. Докторъ Шаркоттъ начиналъ уже терять терпѣніе, когда она вдругъ проговорила среди рыданій.

— Вотъ это-то... вотъ это-то главное... Мама... она вовсе не грустна... Она только сердита на папу... и она запретила мнѣ плакать и... и...

— Гдѣ твоя мать?

Мэри молча указала рукою на дверь гостиной и убѣжала.

Докторъ съ удивленіемъ взглянулъ вслѣдъ дѣвочкѣ, потомъ постучался и отворилъ дверь.

М-съ Уигъ сидѣла за столомъ; передъ нею лежала куча старыхъ писемъ и бумагъ. Она испуганно подняла глаза, но, узнавъ вошедшаго, вскочила со стула и бросилась къ нему съ протянутыми руками. Докторъ пристально взглянулъ на нее и убѣдился, что Мэри сказала

правду. Никакихъ слѣдовъ горя не было замѣтно на красивомъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ, а синіе глаза блестѣли сухимъ, жесткимъ огнемъ. Только губы дрожали, словно отъ волненія, да у рта появилась рѣзкая страдальческая складка.

Вѣроятно, она прочла удивленіе на лицѣ доктора, потому что вдругъ остановилась и опустила руки.

— Вы знаете?—тихо спросила она.

Шаркотъ утвердительно кивнулъ головой.

— И вы пришли, чтобы...

Онъ снова кивнулъ.

Съ минуту они молча стояли другъ противъ друга, чувствуя нѣкоторое смущеніе. Тогда докторъ попробовалъ заговорить, и съ первымъ его словомъ это смущеніе исчезло.

— Присядьте... сядьте сюда!—сказала молодая женщина, подводя его къ удобному креслу.

Она встала передъ нимъ и заговорила страстнымъ голосомъ, торопливо, какъ бы оправдываясь, словно взывая къ судѣ, отъ котораго зависитъ приговоръ.

— Я знаю, что возбуждаетъ ваше изумленіе... Вы пришли утѣшать печальную вдову. Вы думали застать меня утопающей въ слезахъ. И теперь вы шокированы. Нѣтъ... Не говорите!... Вѣдь я вижу. И вы правы. Но я не могу... не могу... не могу! Десять лѣтъ продолжалась эта ужасная жизнь. И я все время молчала. Я страдала, не жалуясь. Я погребла себя для свѣта,

для радости, для счастья, какъ монахиня. Но я все же надѣялась, такъ какъ онъ рисовалъ мнѣ блестящую будущность такъ ярко, что я увѣривала въ нее и выносила то жалкое существованіе, которое онъ устроилъ мнѣ. Цѣлыми днями онъ не говорилъ со мной ни слова. Онъ становился все раздражительнѣе и угрюмѣе. Это было по-истинѣ невыносимо, но я молчала. Ничье человеческое сердце не могло приблизиться ко мнѣ, кромѣ сердца моего ребенка, но не могла же я открыться ему. Я жаждала любви, нѣжности, участія и должна была подавлять эту жажду и видѣть впереди мертвую пустыню моего одинокаго, томительнаго существованія... И все.. все... напрасно!

Она закрыла лицо руками и опустилась на колѣни.

Докторъ Шаркоттъ сидѣлъ неподвижно. Онъ не понималъ этой вспышки. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Наконецъ молодая женщина медленно поднялась съ колѣнъ и снова сѣла на стулъ, на которомъ сидѣла при входѣ доктора. Она совершенно овладѣла собой и казалась спокойной.

— Извините мою горячность, докторъ, — проговорила она съ усталой улыбкой. — Но вы поймете, когда я расскажу вамъ все. Я забылась и забыла, что вы ничего не знаете. Кто знаетъ, можетъ быть, ничего этого не случилось бы, если бы вы не прервали нашего знакомства такъ вне-

запно. Почему вы сдѣлали это? Не оскорбила ли я васъ чѣмъ-нибудь?

Легкій румянецъ показался на щекахъ доктора.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая м-ссъ Уигъ. Ничего подобнаго. Я испугался, что слишкомъ забросилъ работу и... и...

Онъ запнулся и опустилъ глаза передъ испытующимъ взглядомъ молодой женщины.

— А теперь вы пришли изъ сожалѣнія, чтобы утѣшить меня въ моемъ несчастіи?—продолжала спрашивать она.

— Да,—смущенно проговорилъ онъ. Впрочемъ, нѣтъ... Долженъ сознаться, что этотъ случай интересуется меня самъ по себѣ. Вы знаете, я психологъ и...

Она остановила его жестомъ, и онъ замолчалъ.

— Я вѣрю, что вы мой другъ, докторъ. Хотя вы и боялись близкаго знакомства со мной. Пожалуй, это лучшее доказательство вашей... дружбы. Я должна довѣриться кому-нибудь! А здѣсь, среди многомилліонной толпы, у меня нѣтъ ни одного знакомаго. Всѣ мнѣ чужіе... И даже тѣ, среди которыхъ я жила такъ долго. Я совсѣмъ одна, мнѣ не на кого положиться. И къ тому же у меня нѣтъ ни опытности, ни подготовки къ предстоящей мнѣ борьбѣ. Если вы не поможете мнѣ, то и я и мое дитя—мы обѣ должны погибнуть.

— М-ссъ Уигъ! тревожно вскрикнулъ докторъ.

Но она не слушала его и, казалось, говорила сама съ собой.

— Придется намъ послѣдовать примѣру То-маса,—взволнованно прошептала она.

— О, madame, ne parlez donc pas comme ça!— перебилъ ее докторъ. Въ волненіи онъ всегда переходилъ къ родному языку. Что все это значить? Довѣрьтесь мнѣ. У меня... я... Вы вѣдь знаете, что я не бѣденъ. Я живу такъ просто и уединенно только ради науки и потому, что меня не привлекаютъ свѣтскія удовольствія. Вы обязаны позволить мнѣ помочь вамъ... хотя бы ради Мэри.

Молодая женщина горько разсмѣялась.

— Если бы это было все! Если бы дѣло шло только о нуждѣ, о пропитаніи! Положимъ, я неопытна. Но я сильна и здорова и научилась бы сама зарабатывать себѣ хлѣбъ, если бы меня не сразилъ этотъ ударъ.

— Странный конецъ вашего супруга...

Насмѣшливая улыбка появилась на ея губахъ.

— Вы ошибаетесь! Дайте мнѣ рассказать вамъ то, чего я не рассказывала еще никому на свѣтѣ. И потомъ дайте мнѣ совѣтъ... если можете.

Она задумчиво опустила глаза. Потомъ поднялась рѣзкимъ движеніемъ и подошла къ доктору.

— Я расскажу вамъ странную исторію. И можетъ быть, выслушавъ ее, вы хотя и осудите, но поймете меня. Сегодня утромъ у меня уже

былъ полицейскій комиссаръ и замучилъ меня длиннымъ допросомъ. Онъ требовалъ объясненія намековъ, содержащихся въ письмѣ Томаса. Онъ говорилъ, что получилъ анонимное письмо, гдѣ выражались какія-то подозрѣнія, намеки, касающіеся моего мужа, но ни за что не хотѣлъ сказать мнѣ, въ чемъ обвиняли Томаса. Я солгала, сказавъ, что ничего не знаю, и онъ ушелъ ни съ чѣмъ.

Она схватила руку доктора, горячо пожала ее и продолжала, повысивъ голосъ:

— Но я знаю, въ чемъ дѣло! И когда я открою вамъ тайну, которая своей тяжестью угнетала меня въ продолженіе десяти лѣтъ, довела мужа до могилы, отравила наше счастье, нашъ покой необходимою лицемѣрной лжи, тогда вы простите меня и поможете мнѣ—или забудете все. Но не измѣняйте мнѣ, докторъ, не измѣняйте мнѣ!

Онъ молча прижалъ губы къ ея рукѣ.

— Мои родители,—начала свой рассказъ м-съ Уигъ,—очень бѣдные ирландскіе фермеры, переселились въ Австралію, когда я была еще маленькимъ ребенкомъ. Отецъ снялъ ферму въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Дѣло у него пошло хорошо и меня отослали учиться въ Сидней, думая сдѣлать изъ меня барышню.

«Но потомъ наступили плохія времена. Страну посѣтили необычайныя засухи. Жатва погибала за жатвой. Сбереженія моихъ родителей истощались, число закладныхъ увеличивалось. Я ни-

чего не знала объ этомъ. Деньги для образованія дочери все еще находили въ надеждѣ, что наступятъ лучше дни.

«Внезапно умерла моя мать, а когда я приѣхала на ферму, то поспѣла только къ похоронамъ отца. Имѣніе было все въ долгахъ, и я осталась на свѣтѣ одинокой, безъ гроша.

«Начальница пансіона, въ которомъ я училась, нашла мнѣ мѣсто приказчицы въ торговомъ домѣ. Жалованье было небольшое, но достаточное для того, чтобъ жить. Тогда-то я познакомилась съ моимъ мужемъ. Въ то время онъ былъ красивый, любезный, ловкій человекъ. Онъ такъ много рассказывалъ мнѣ, хотя въ неясныхъ намекахъ, о своихъ надеждахъ на будущее, а я была такъ бѣдна, мнѣ такъ хотѣлось жить, что я охотно согласилась, когда онъ предложилъ мнѣ выйти за него замужъ.

«Онъ только что вернулся изъ Южной Африки. Тамъ у него было хорошее мѣсто на Кимберлейскихъ брилліантовыхъ копяхъ; но однажды обнаружилась пропажа большого количества необдѣланныхъ камней. Подозрѣніе пала на Уига. Правленіе компаніи отказало ему и начало процессъ. Онъ былъ оправданъ, но не могъ уже найти себѣ мѣста.

«Въ Сиднеѣ онъ служилъ въ банкѣ бухгалтеромъ. Первое время послѣ свадьбы мы жили очень счастливо. Но затѣмъ и тутъ его постигла неудача: исторія въ Кимберлеѣ дошла до пра-

вленія банка и директоръ объявилъ мужу, пожимая плечами, что хотя онъ лично и вѣритъ въ его невинность, но интересы банка требуютъ, чтобы его персоналъ, подобно женѣ Цезаря, стоялъ выше подозрѣній.

«Томасъ скопилъ хорошую сумму денегъ. Но когда я стала настаивать, чтобы онъ купилъ землю и завелъ хозяйство, онъ упрямо отказался. Онъ хотѣлъ возвратиться въ Англiю, въ Лондонъ.

«Старая родина возбуждала во мнѣ неособенно прiятныя воспоминанiя, и я упрашивала мужа остаться въ Австралиi. Между нами происходили горячiя сцены. И вотъ однажды въ припадкѣ гнѣва или вслѣдствiе того, что онъ выпилъ слишкомъ много,—хотя съ тѣхъ поръ онъ не бралъ въ ротъ ни капли алкоголя,—онъ забылся и рассказалъ мнѣ все»

Молодая женщина смутилась на одно мгновение. Но только на мгновение, а затѣмъ продолжала торопливо:

— Онъ признался, что похитилъ пропавшіе такъ таинственно брилліанты съ помощью тайнаго общества «Черной руки», состоящаго изъ лицъ всѣхъ національностей мiра и имѣющаго много членовъ среди рабочихъ и надсмотрщиковъ въ рудникахъ.

«Онъ не рассказалъ мнѣ, какъ ему удалось сдѣлать это. Но кража камней, стоимость которыхъ оцѣнивалась милліонами, была произведена

такъ искусно, что судебное слѣдствіе, какъ вы знаете, не привело ни къ какимъ результатамъ.

«Затѣмъ наступило самое худшее. Алчность овладѣла имъ, отуманила его разумъ. вмѣсто того, чтобъ подѣлиться съ сообщниками, которые обѣщали ему значительную часть добычи, онъ убѣждалъ, унеся съ собой всѣ брилліанты. Они легко помѣщались въ двухъ пригоршняхъ и спрятать ихъ было не трудно. Такимъ образомъ онъ самъ вынесъ себѣ приговоръ.

«Не знаю, приходилось ли вамъ слышать, что-либо объ этихъ ужасныхъ тайныхъ обществахъ? То, къ которому принадлежалъ мой мужъ и въ которое онъ легкомысленно вступилъ, когда жилъ въ Иоганнесбургѣ, относится къ числу самыхъ вліятельныхъ и опасныхъ. Знакъ его—также неизгладимъ, какъ невозможенъ и выходъ изъ него. Его знакъ—черная рука, нататуированная на лѣвомъ предплечіи. Измѣна, выдача или обманъ членовъ неизбежно влечетъ за собой смерть.

«Кинжалъ убійцы настигъ бы Томаса еще раньше его отъѣзда изъ Африки, если бы у его сообщниковъ не было особыхъ причинъ щадить его. Очевидно, «Черная рука» не знала, гдѣ спрятаны брилліанты, и поэтому пока молчала, выжидая.

«Томасъ, видя, что его не тревожатъ и не преслѣдуютъ, почувствовалъ себя въ безопасности. Продать брилліанты онъ, однако, не могъ,

пока все дѣло не поросло травой забвенья, и кража не была забыта. Поэтому онъ отправился въ Австралію, чтобы тамъ выждать срокъ.

«Я вышла за него замужъ. Однажды вечеромъ, незадолго до того, какъ онъ потерялъ мѣсто въ банкѣ (вѣроятно, онъ былъ этимъ обязанъ «Черной рукѣ»), онъ вернулся домой въ страшномъ возбужденіи, въ разорванномъ сюртукѣ и рубашкѣ. На плечѣ у него виднѣлась рана, изъ которой сочилась кровь.

«Въ паркѣ, въ пустынномъ мѣстѣ, на него напали какіе-то негодяи»,—объяснилъ онъ мнѣ.

«Рана была очень легкая и скоро зажила. Но волненіе мужа улеглось не скоро. Напротивъ, его возбужденное состояніе увеличивалось съ каждымъ днемъ, такъ что, наконецъ, противъ его желанія, я пригласила доктора. Я думала тогда, что онъ страдалъ вслѣдствіе какого-то сильного нервнаго потрясенія.

«Онъ пришелъ въ бѣшенство и безъ церемоніи выгналъ доктора. Ему не могло помочь никакое лѣкарство, никакое лѣченіе. Во время борьбы съ напавшими на него людьми, отъ которыхъ его спасъ случайно проходившій мимо полицейскій отрядъ, онъ замѣтилъ на предплечьѣ лѣвой руки одного изъ нихъ татуированную черную руку.

«Итакъ, за нимъ все время слѣдили и хотѣли захватить его, чтобы вырвать у него признаніе въ томъ, куда онъ спряталъ брилліанты.

«Понятно, что при такихъ условіяхъ ему не хотѣлось уѣхать изъ большого города въ пустынные австралійскіе лѣса».

М-ссъ Уигъ замолчала. Она стояла у окна и прижалась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Докторъ Шаркоттъ всталъ, подошелъ къ ней и положилъ руку на ея плечо.

— Вы должны объяснить мнѣ еще нѣкоторыя подробности.

Она поспѣшно обернулась.

— Я знаю, вы осуждаете меня! Я сдѣлалась соучастницей низкаго преступленія, обыкновенной укрывательницей. Но я не могла поступить иначе. Къ тому же я стала матерью, родилась Мэри. Я должна была подумать о ней. И въ то время я еще любила моего мужа, я почти боготворила его. А чувство любви у женщины сильнѣе чести, сильнѣе совѣсти. Я была молода, неопытна; жизнь Томаса подвергалась опасности... Ахъ, тогда у меня были тысячи причинъ, чтобы не сдѣлаться предательницей! И я искупила свою вину, искупила сторицей. Съ тѣхъ поръ у меня не было ни часа покоя. Наша тайна стояла между нами, словно призракъ; она разъединила наши сердца, мало-по-малу сдѣлала наши души чуждыми другъ другу. Да, мое наказаніе оказалось сильнѣе того, которое могъ наложить человѣческій законъ.

— М-ссъ Люси!—голосъ доктора сталъ очень мягокъ.— Не унывайте!.. Положитесь на меня. Я

понимаю васъ. Мое замѣчаніе относилось вовсе не къ тому, правы вы или неправы. Я хотѣлъ только выяснитъ положеніе, чтобы имѣть возможность помочь вамъ. Вы думаете, что вашъ мужъ лишилъ себя жизни изъ страха передъ этимъ тайнымъ обществомъ, страха, какъ бы развившагося въ данномъ случаѣ въ манию преслѣдованія?

— Да... А также отъ отчаянія и невозможности продать брилліанты, ради которыхъ онъ принесъ столько жертвъ.

— Но гдѣ же онъ спряталъ ихъ?

— Этого я не знаю! — рѣзко вскрикнула молодая женщина. — Послѣ всего того, что я вынесла ради него, онъ, не сказавъ мнѣ ни слова, покидаетъ эту жизнь.

— Онъ никогда не говорилъ вамъ объ этомъ? — съ изумленіемъ спросилъ Шаркоттъ.

— Никогда. Онъ говорилъ, что женщины не умѣютъ молчать, хотя я наглядно доказала ему противное. И онъ извинялъ себя, говоря, что не хочетъ подвергать меня опасностямъ со стороны «Черной руки». Вотъ, взгляните на кипу бумагъ на столѣ. Это письма, которыя я вынула изъ ящичковъ его письменнаго стола. Я просмотрѣла все, въ надеждѣ найти какія-нибудь указанія. Но ничего... ничего! Это письма и замѣтки, не имѣющія никакого значенія.

Порывистымъ движеніемъ она сбросила всю кипу со стола на полъ.

— Да... трудно что-либо посоветовать вамъ. Въ дверь постучались, и въ комнату робко вошла Мэри.

Мать нахмурилась, недовольная, что прервали разговоръ, и строго обратилась къ дѣвочкѣ:

— Что тебѣ нужно? Оставь меня въ покоѣ, не мѣшай мнѣ.

Дѣвочка испуганно попятилась къ двери. Докторъ заступился за нее.

— Оставьте ее, м-съ Уигъ. Вѣдь она не помѣшаетъ намъ теперь. Мнѣ нужно пойти къ себѣ, чтобы спокойно обдумать все дѣло прежде, чѣмъ помочь вамъ. А Мэри...

Онъ вдругъ остановился и пристально посмотрѣлъ на дѣвочку, какъ человѣкъ, передъ которымъ явилось привидѣніе.

Мэри была мало похожа на своихъ родителей. У нея были совершенно черные волосы и глаза, тонкое, блѣдное личико и нѣжная, худенькая фигура, слишкомъ высокая для ея возраста. Все ея существо дышало замкнутостью и застѣнчивостью. Быть можетъ, это было слѣдствіемъ несчастныхъ семейныхъ отношеній или того, что она выросла вдали отъ дѣтей и ихъ игръ! Несвойственная дѣтскому возрасту серьезность дѣлала ее гораздо старше ея возраста и придавала ей что-то глубоко печальное.

Когда она смущенно взглянула на доктора, тотъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза и окончательно смутилъ ее. Но она не могла отвести

отъ него взгляда. Какъ завороженная, смотрѣла она на Шаркотта. Ей было страшно, но она не могла ни двинуться, ни убѣжать, ни заговорить, ни крикнуть. Она чувствовала, какъ ослабѣвала ея воля. Все вокругъ нея исчезло за исключеніемъ устремленныхъ на нее магическихъ зрачковъ. Она начала терять сознание.

Тогда докторъ отвернулся отъ нея и обратился къ ея матери. Чары были нарушены. Дѣвочка чувствовала только слабость и сильно дрожала.

— Вы говорили, что Мэри родилась въ Сиднеѣ?—спросилъ докторъ и прибавилъ такъ тихо, что его слышала только молодая женщина:— Бриллианты были уже спрятаны, когда вы вышли замужъ, неправда ли?

Она съ недоумѣніемъ взглянула на него. Онъ продолжалъ:

— Отвѣйте мнѣ! Въ настоящую минуту я не хочу сказать, почему я предлагаю этотъ вопросъ. Но, можетъ быть, сегодня вечеромъ... Такъ какъ же?

— Они были спрятаны раньше, чѣмъ я вышла замужъ, насколько я знаю, гдѣ-то въ Австраліи. Тамъ лежатъ они и теперь... И, вѣроятно, останутся навѣки.

— Какъ знать! Однако, мнѣ надо идти, побыть одному. Мнѣ пришла въ голову одна мысль въ ту минуту, какъ вошла Мэри. Она меня поразила на одно мгновеніе, и я долженъ хорошенько обдумать ее. Мнѣ кажется, я нахожу

выходъ изъ этого несчастія, счастливый выходъ.

— О, докторъ!—простонала м-ссъ Уигъ и, казалось, готова была броситься ему на шею.

Онъ поспѣшно отступилъ назадъ.

— Вы должны обѣщать мнѣ только одно,— просилъ онъ,—не говорите ни единому человѣку о томъ, что вы рассказывали мнѣ. Не сообщайте и полиціи. Стойте на томъ, что сказали комиссару. И... отпустите со мной на нѣсколько минутъ вашу дочь; мнѣ хотѣлось бы поговорить съ ней. Потомъ я приведу ее къ вамъ.

Выраженіе удивленія появилось на лицѣ м-ссъ Уигъ при этой нѣсколько странной просьбѣ. Но она была не въ состояніи относиться критически къ чему бы то ни было. Къ тому же свиданіе съ докторомъ такъ ободряюще подѣйствовало на нее, что мужество начало возвращаться къ ней. Она, молча, утвердительно кивнула головой.

— Хочешь пойти со мной посмотрѣть мою квартиру, Мэри?—спросилъ докторъ, нѣжно кладя руку на голову дѣвочки.

— Иди, дитя,—прибавила мать.—Мнѣ некогда сейчасъ заниматься тобой.

И дѣвочка безвольно пошла за докторомъ.

II.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, докторъ Шаркоттъ подѣхалъ въ кэбѣ къ величественному зданію Кимберлійскаго общества и послалъ свою карточку предсѣдателю правленія. На карточкѣ онъ написалъ, что желаетъ поговорить съ директоромъ наединѣ по дѣлу чрезвычайной важности.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія его выпустили, и онъ очутился въ присутствіи всемогущаго финансиста, достопочтеннаго Іакова Когена, галиційскаго еврея, получившаго образованіе въ Австріи и достигшаго своего настоящаго положенія благодаря деньгамъ.

Директоръ указалъ ему жестомъ на кресло, которое стояло такъ, что весь свѣтъ, доступный туманному Сити, падалъ прямо на доктора, а лицо самого директора оставалось въ полутьмѣ.

— Что угодно?

— Я буду говорить кратко.

— Надѣюсь.

Докторъ не обратилъ вниманія на это невѣжливое замѣчаніе.

— Лѣтъ двѣнадцать-тринадцать тому назадъ у васъ въ Кимберлійскихъ копяхъ было украдено много дорогихъ необдѣланныхъ камней.

Толстякъ привскочилъ и пристально взглянулъ на доктора, стараясь прочесть что-нибудь въ неподвижныхъ чертахъ его лица.

— Да,—сказалъ онъ.—Но...

— И они такъ и не отысканы,—невозмутимо продолжалъ докторъ.

— Нѣтъ. Но что...

— Во сколько оцѣнивалась пропажа?

— Что-то около трехъ четвертей милліона фунтовъ стерлинговъ.

— Фью... фью!—просвистѣлъ докторъ.

— Не будете ли вы такъ любезны, сообщить мнѣ, что васъ интересуетъ въ этомъ дѣлѣ. Вы...

Онъ кинулъ бѣглый взглядъ на визитную карточку доктора.

— Вѣдь вы же не сыщикъ?

— Но могъ бы быть имъ. По крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ.

Когенъ нетерпѣливо улыбнулся и протянулъ руку къ звонку.

— Долженъ вамъ сказать, что мы поручили это дѣло лучшимъ слѣдователямъ и сыщикамъ, и все же воръ не былъ пойманъ.

— Но подозрѣніе пало на извѣстнаго вамъ человѣка, одного изъ вашихъ служащихъ.

— Да, это вѣрно. Впрочемъ, его оправдали. И, впослѣдствіи, послѣ того какъ за нимъ въ продолженіе двухъ лѣтъ слѣдили въ Африкѣ и Австраліи, мы убѣдились, что правосудіе не ошиблось.

— Почему же вы отказали ему?

— Во всякомъ случаѣ, онъ былъ виновенъ въ

небрежности. Мы не можемъ держать такихъ людей тамъ, гдѣ каждый рабочій можетъ унести въ своей трубкѣ цѣлое состояніе. Но мое время очень ограничено и...

— Однако, ради трехъ четвертей милліона, можно пожертвовать полчасаемъ времени, г. директоръ!

Когенъ снова привскочилъ.

— Что вы хотите сказать?

— Если вы выслушаете меня нѣсколько минутъ, не прерывая слишкомъ часто, я постараюсь объяснить вамъ.

Директоръ снова испытующе взглянулъ на сидѣвшаго противъ него человѣка.

Потомъ онъ плотнѣе усѣлся въ кресло и покорно сложилъ руки.

— Итакъ...

— Я лично знаю жену вашего бывшего служащаго,—началь докторъ,—и пришелъ сюда отчасти ради нея. Уигъ—такъ звали этого человѣка—покончилъ вчера жизнь самоубійствомъ.

Когенъ поднялъ брови, но ничего не сказалъ.

— Этотъ Уигъ, который избѣгнулъ теперь земной кары и преступленіе котораго потеряло значеніе за давностью времени, и былъ тотъ самый человѣкъ, который укралъ брилліанты.

На этотъ разъ обычное спокойствіе покинуло директора.

— Вы говорите глупости!—крикнулъ онъ.

— Это не въ моихъ обычаяхъ,—спокойно отвѣтилъ докторъ.

— Чѣмъ вы докажете это?

— Доказательства я представлю потомъ, когда мы сговоримся относительно другихъ пунктовъ. А пока вы должны повѣрить мнѣ на слово. Позвольте мнѣ продолжать. Я уже сказалъ вамъ, что предпринялъ этотъ шагъ только ради вдовы покойнаго. Надежда получить вознагражденіе не играетъ тутъ никакой роли: я не бѣденъ. Я получаю съ своего состоянія больше дохода, чѣмъ нужно для моихъ ограниченныхъ потребностей. Но дѣло это имѣетъ для меня цѣнность съ научной точки зрѣнія. Только сегодня я узналъ о преступленіи этого Уига, который вчера лишилъ себя жизни. Онъ унесъ съ собою въ могилу тайну, гдѣ скрываются брилліанты въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Нужно открыть это мѣсто — въ этомъ вся штука. Какъ вы уже видѣли изъ моей визитной карточки, я психологъ по профессіи и состою почетнымъ членомъ нѣсколькихъ европейскихъ университетовъ. О моемъ положеніи въ ученомъ мірѣ вы легко можете навести справки здѣсь или въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Главный объектъ моихъ изученій—гипнозъ, внушеніе. Не стану надоѣдать вамъ различными подробностями и расскажу мой планъ въ краткихъ словахъ. Понятно, вамъ, какъ профану, онъ покажется страннымъ. Я и не требую, чтобы вы сразу согласились на него. Вы можете

созвать комиссію изъ свѣдущихъ людей, которая разберетъ мое предложеніе и вынесетъ рѣшеніе. Я требую отъ васъ, во всякомъ случаѣ, только одного—полной тайны!

Чувство любопытства охватило директора. Онъ обѣщаль держать все въ полной тайнѣ и обязать къ тому же и тѣхъ, кого призоветъ на совѣтъ.

— Ну, такъ дѣло идетъ о психологическомъ опытѣ величайшей смѣлости и значенія—о практическомъ примѣненіи теоріи, надъ которой я работаю много лѣтъ—о наслѣдственности воспоминаній. Вы не понимаете меня? Постараюсь объяснить вамъ на слѣдующемъ примѣрѣ. У Уиговъ есть дочь, которая, какъ я убѣдился, замѣчательно поддается гипнотическому внушенію. Во все время моей практики мнѣ не приходилось встрѣчать подобнаго медиума. Она родилась въ Сиднеѣ въ то время, когда всѣ душевныя и умственныя силы Уига были устремлены на сохраненіе въ тайнѣ украденныхъ брилліантовъ. Всѣ его дневныя мечты, всѣ ночныя сновидѣнія были полны единственной мыслью о спрятанномъ сокровищѣ и страхомъ, чтобы не открыли мѣста, гдѣ оно скрыто. Въ совершеніи кражи ему помогали нѣкоторые соучастники и помощники, которыхъ онъ обманулъ и которые съ тѣхъ поръ слѣдили за каждымъ его шагомъ. Это сознаніе довело его и безъ того сильно натянутые нервы до высшей точки напряженія. Однимъ словомъ, къ тому времени, какъ онъ женился,

это былъ человѣкъ, находившійся подъ вліяніемъ одной навязчивой идеи, а именно—мысли о сохраненіи въ безопасности украденныхъ брилліантовъ.

«И эту идею, по моему убѣжденію, онъ, не подозрѣвая о томъ, передалъ въ наслѣдство своей дочери. Никого не удивляетъ мысль, что умственныя способности и особенности вообще передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ же иначе могла бы совершенствоваться культура? Почему же не могутъ быть унаслѣдованы и психическія особенности? Отчего можетъ быть только наслѣдственность индивидуальных физическихъ недостатковъ или качествъ и не можетъ быть наслѣдственности индивидуальных психическихъ впечатлѣній? Вѣдь украденные брилліанты произвели на душу этого человѣка впечатлѣніе, по меньшей мѣрѣ, такое же сильное, какое произвела бы, напр., какая-нибудь болѣзнь—скажемъ, туберкулезъ—на его тѣло. Если бы онъ былъ чахоточнымъ до женитьбы, то вѣдь никто не удивился бы, если бы его дочь страдала той же болѣзнью. Отчего же законъ наслѣдственности не долженъ имѣть никакого значенія въ психической области? Все дѣло въ томъ, чтобъ пробудить къ сознанію дремлющее въ мозгу воспоминаніе прежде, чѣмъ оно изгладится тысячами новыхъ, личныхъ психическихъ впечатлѣній. Дѣвушка, о которой я говорю, еще ребенокъ и жила одиноко, въ общеніи только съ родителями. Въ

ней можно еще вызвать духовный атавизмъ, не заглушенный пережитыми впечатлѣніями, можно, посредствомъ гипнотизма, вызвать воспоминанія, предшествовавшія появленію ея собственной личности, ея самостоятельнаго сознанія. Она должна вспомнить прошедшее, внутреннюю жизнь своего отца. И это будетъ возвращеніе вовсе не къ слишкомъ далекому прошлому; вспомнимъ, что физическія особенности наследуются въ продолженіе многихъ столѣтій.

Когенъ вертѣлся на своемъ креслѣ, какъ рыба, вынутая изъ воды. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ выговорить слово, по всѣмъ вѣроятіямъ, малолестное для доктора, тотъ заговорилъ на другой, болѣе пріятный для директора, ладъ.

— Я готовъ принять на себя половину расходовъ по опытамъ, если ваше общество возьметъ на себя другую. Понятно, подъ условіемъ, что, въ случаѣ удачи, мнѣ будутъ возвращены затраченныя мною деньги. А для бѣдной вдовы Уига я требую извѣстнаго процента со стоимости брилліантовъ.

— Такъ, такъ!—сказалъ директоръ и безконечное недовѣріе прозвучало въ его голосѣ.—«Бѣдная» вдова! Не такъ она глупа. Она предпочтетъ синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ну... она, понятно, знаетъ мѣсто, гдѣ спрятаны брилліанты, и хочетъ выторговать себѣ какъ можно большее вознагражденіе.

— Милостивый государь! Какъ осмѣливае-
тесь вы...

— Успокойтесь, любезный докторъ! Я знаю,
что вы не имѣете никакого отношенія къ этому
маневру. Но вы должны сами признаться, что
дѣло имѣеть чертовски подозрительный видъ.

— Я не нахожу этого. И если бы вы знали
болѣе точныя подробности—въ настоящую ми-
нуту я не стану отнимать вашего драгоценнаго
времени—то раздѣлили бы мое мнѣніе. Теперь же
вопросъ идетъ исключительно о томъ, прини-
маете вы мое предложеніе или нѣтъ.

— Какъ же вы думаете приняться за дѣло?—
спросилъ Когенъ послѣ короткаго раздумья.

— Я думаю вскорѣ поѣхать въ Сидней съ
м-ссъ Уигъ и ея дочерью. По всей вѣроятности,
камни спрятаны гдѣ-нибудь въ Новомъ Южномъ
Валлисѣ. Я попробую усилить воспоминанія дѣ-
вочки обстановкой. Детали выполненія моего
плана предоставьте мнѣ—тѣмъ болѣе, что я еще
самъ не разработалъ программы, такъ какъ сущ-
ность самого предпріятія препятствуетъ этому.
Я долженъ разыскать небольшой мѣшечекъ,—
который можно зажать въ горсти, въ двухъ
частяхъ свѣта, не имѣя никакой точки отправле-
нія. Вѣдь тутъ нельзя впередъ намѣтить ни марш-
рута, ни плана дѣйствія, не правда ли?

— Да, конечно. Если даже жена и знаетъ тайну
своего мужа—въ чемъ у меня нѣтъ ни малѣй-
шаго сомнѣнія—намъ это нисколько не поможетъ.

— Понятно. Но могу васъ увѣрить, что это не такъ. Она не знаетъ, гдѣ спрятаны брилліанты. Иначе—и это должно бы было служить вамъ гарантіей—я не принялъ бы участія въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы я ни уважалъ м-ссъ Уигъ и... и... ну... (докторъ сильно покраснѣлъ) я ни въ какомъ случаѣ не бросилъ бы такъ внезапно моихъ занятій и не предпринялъ бы далекаго, дорого стоящаго путешествія, безцѣльнаго, какъ для меня, такъ и для м-ссъ Уигъ. Вѣдь если бы она могла указать мѣсто, гдѣ скрыты брилліанты, то достаточно было бы послать туда любого полицейскаго комиссара съ необходимыми инструкціями.

— Совершенно справедливо, докторъ! Хотя вы скорѣе достигли бы успѣха, если бы обратили болѣе вниманія на мать, чѣмъ на дочь.

— Я уже говорилъ вамъ, что не сталъ бы принимать участія въ этомъ дѣлѣ, если бы раздѣлялъ ваше мнѣніе. Прошу васъ обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Помимо того, что ваше общество получить громадную денежную выгоду при ограниченныхъ расходахъ, вы лично можете принести наукѣ важную услугу, о которой заговорить весь міръ.

Стрѣла попала въ цѣль. Докторъ Шаркоттъ замѣтилъ это и усмѣхнулся.

— Итакъ, я повторяю свои условія,—сказалъ онъ, подымаясь.—Для меня—половинная сумма расходовъ на предпріятіе теперь, и остальная—

въ случаѣ удачи; для м-ссь Уигъ—извѣстная часть—скажемъ, десять процентовъ — стоимости найденнымъ брилліантовъ и, въ заключеніе, полная тайна. Прошу васъ навести справки обо мнѣ и посовѣтоваться о моемъ планѣ какъ можно скорѣе и затѣмъ сообщить мнѣ ваше рѣшеніе. Если оно будетъ, какъ я надѣюсь, благопріятно, я охотно расскажу вамъ дальнѣйшія детали этого рѣдкаго случая, конечно, если у васъ найдется время!—прибавилъ отъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой, вставая съ кресла.

Директоръ также поднялся съ мѣста.

— Вы получите отвѣтъ. А пока искренне благодарю васъ. Долженъ признаться, что независимо отъ большой суммы, о которой идетъ рѣчь, вы въ высшей степени возбудили мое любопытство странной проблемой, которую вы развили передо мной. Опытъ дѣйствительно заслуживаетъ поддержки съ точки зрѣнія научнаго интереса.

Онъ крѣпко пожалъ руку доктору. Онъ уже чувствовалъ себя меценатомъ.

III.

Три недѣли спустя большой пароходъ «Гималайя» Восточнаго общества пароходства отходилъ изъ Соутгэмптона. Среди сравнительно небольшого количества пассажировъ перваго класса находилась м-ссь Люси Уигъ съ дочерью и докторъ Жакъ Шаркотъ. А во второмъ классѣ

водворилась миссъ Розина Феканъ, достойная экономка, безъ которой докторъ, по его словамъ, чувствовалъ себя непригоднымъ къ цивилизованной жизни. Только ея неизмѣнной внимательности и заботамъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что не оказывался иногда безъ галстука или какой либо еще болѣе важной принадлежности своего костюма и не ложился спать съ туфлями на ногахъ.

Тяжело было старой дѣвѣ рѣшиться на дальнее путешествіе въ страны, заселенныя, по ея мнѣнію, только голыми людоедами да страшными звѣрями. Но она исполняла свой долгъ относительно «молодого барина», какъ она продолжала, по старой привычкѣ, называть своего почти сороколѣтняго хозяина. И хуже опасностей дѣвственныхъ лѣсовъ и пустынь Сиднея и Мельбурна казалось ей присутствіе и близость молодой красивой вдовы. Она имѣетъ виды на доктора; это ясно какъ Божій день. И надо будетъ помѣшать ей. Вѣдь молодой баринъ сущій ребенокъ передъ этой интриганкой.

Она уже предостерегала его разъ, передъ самымъ отъѣздомъ. Вѣдь у него уже былъ печальный опытъ по отношенію къ женщинамъ, ядовито замѣтила она. Однако, на этотъ разъ докторъ рѣшительно возсталъ противъ нея.

— Занимайтесь-ка своимъ дѣломъ,—грубо сказалъ онъ,—вмѣсто того, чтобъ подозрѣвать даму, до которой вамъ, какъ до небесъ, далеко. А если

не можете удержаться отъ своихъ глупыхъ замѣчаній, то убирайтесь къ чорту и знайте, что я разъ навсегда запрещаю вамъ подобныя намеки!

И это онъ сказалъ ей, которая знала его, когда онъ еще мальчикомъ разгуливалъ въ коротенькихъ штанишкахъ; что, если бы до этого дожили его покойные родители, его мать, которой она обѣщала никогда не разлучаться съ ея сыномъ и оберегать его! Впрочемъ, такова людская благодарность.

Во всякомъ случаѣ она сдержитъ свою клятву. Насчетъ брака опасности не предвидѣлось. Море не возвратило трупа самоубійцы, поэтому онъ считался только пропавшимъ и должно было пройти, по крайней мѣрѣ, два года, пока его вдова могла выйти замужъ въ Англии. Хотя... Ничего нельзя знать! Отъ этой особы можно всего ожидать.

Съ правленіемъ Кимберлійскаго общества доктору Шаркотту было легко сговориться послѣ того, какъ онъ привлекъ на свою сторону директора.

Навели справки о положеніи доктора въ ученномъ мірѣ и, хотя господа ученые такъ задумчиво покачивали головами, что пудра слетѣла съ ихъ косичекъ при разговорѣ объ его опытѣ, ему все же удалось убѣдить правленіе, что ни м-ссъ Уигъ, ни кто другой ничего не знали о томъ, гдѣ спрятаны брилліанты, и потому его

попытка являлась послѣднимъ и единственнымъ средствомъ возвратить украденные камни. И финансовый рискъ былъ вовсе незначителенъ, тѣмъ болѣе, что докторъ бралъ часть издержекъ на себя и тѣмъ самымъ лучше всего доказывалъ вѣру въ успѣхъ своего предпріятія.

Но самое сильное впечатлѣніе произвело на директоровъ открытіе существованія и дѣйствій «Черной руки». Страшная шайка, вѣроятно, и въ данное время существовала въ Кимберлеѣ. Членовъ ея легко было узнать по ихъ знаку и изгнать, хотя бы они, по недостатку доказательствъ, и не подлежали наказанію. Уже это одно стоило нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ; но нужно было дѣйствовать очень осторожно, чтобы не подвергнуть доктора опасности быть убитымъ.

По плану доктора, поиски должны были начаться въ Сиднеѣ. Въ случаѣ, если бы доктору Шаркотту понадобилась помощь, онъ долженъ былъ обратиться къ фирмѣ В. Броунъ и Джонсъ, агентамъ Кимберлійскаго общества въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Докторъ ясно сознавалъ, что эти господа назначены не только въ помощники ему, но и, главнымъ образомъ, для того, чтобы наблюдать за нимъ; но это было ему совершенно безразлично. Съ тѣхъ поръ, какъ экспедиція становилась совершившимся фактомъ, всѣ другіе интересы отступали передъ главною цѣлью: возможностью доказать свою теорію. Теперь ему было совершенно все равно, идетъ ли дѣло о

бриллиантахъ или булыжникахъ. Практическіе доводы, которыми онъ привлекъ на свою сторону лондонскихъ финансистовъ, потеряли всякое значеніе; осталось только страстное стремленіе изслѣдователя.

Такимъ образомъ, несмотря на волненія морского путешествія и совмѣстную жизнь со множествомъ чужихъ людей, которые цѣлыми днями только и дѣлали, что искали случая заговорить другъ съ другомъ, докторъ жилъ бы еще уединеннѣе, если бы не было м-ссъ Люси Уигъ. Хотя она и не флиртовала съ нимъ такъ отчаянно, какъ увѣряла старая Розина, но во всякомъ случаѣ она имѣла на него вліяніе, котораго онъ самъ не замѣчалъ, и, однако, оно все же мѣшало ему совсѣмъ отрѣшиться отъ нашей грѣшной земли.

Благодаря ограниченному количеству пассажировъ перваго класса, докторъ безъ труда досталъ превосходное помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ большихъ каютъ на палубѣ, раздѣленныхъ салономъ. Въ одной изъ каютъ устроился онъ самъ подъ строгимъ надзоромъ Розины, которая не позволяла никому изъ слугъ дотрагиваться до вещей доктора; съ разрѣшенія капитана, она каждое утро приходила изъ второго класса въ каюту своего барина для обычной уборки. По другую сторону салона жила м-ссъ Уигъ съ дочерью. Салонъ служилъ кабинетомъ для Шаркотта; тутъ же онъ занимался съ Мэри.

Онъ скрылъ отъ вдовы свои виды на дѣвочку.

Мать могла помѣшать его вліянію на Мэри. Онъ боялся также возраженій съ ея стороны. Опытъ былъ смѣлый; онъ грозилъ нарушить душевное равновѣсіе жертвы, повредить не только ея духовной жизни, а также, быть можетъ, и здоровью. Онъ не вѣрилъ, чтобы вредныя послѣдствія были продолжительны. Но м-съ Уигъ, можетъ быть, нельзя было бы легко убѣдить, хотя любовь ея къ Мэри не отличалась особой горячностью. Ребенокъ, казалось, былъ ближе къ отцу и все еще не могъ утѣшиться послѣ его ужасной кончины.

Поэтому докторъ предложилъ м-съ Уигъ продолжать съ Мэри уроки, которые давалъ ей ея покойный отецъ въ свободные часы, и мать охотно, съ благодарностью приняла его предложеніе. Ему было неловко обманывать молодую женщину, но фанатизмъ изслѣдователя былъ слишкомъ силенъ и восторжествовалъ надо всѣмъ. Онъ успокоивалъ свою совѣсть обѣщаніемъ ревностно заботиться о воспитаніи и образованіи своей ученицы; и въ то же время раздумывалъ, какъ удалить ее отъ веселаго общества, собравшагося на пароходѣ, и заставить ее сосредоточиться на той мысли, которую онъ внушалъ ей.

«Гималайя» отплыла въ половинѣ сентября и совершала свое плаваніе при прекрасной погодѣ. Докторъ Шаркоттъ счелъ это благопріятнымъ признакомъ. Въ глубинѣ души онъ страшно боялся призрака морской болѣзни, такъ какъ сильно

страдалъ при каждомъ переѣздѣ изъ Дувра въ Калэ.

Онъ много занимался восточнымъ оккультизмомъ, который требуетъ подчиненія всѣхъ человѣческихъ аффектовъ — печалей, мыслей, болѣзней—могуществу воли и уже многого достигъ въ этомъ отношеніи. Но морская болѣзнь была сильнѣе его нравственной силы и если бы переѣздъ былъ бурный, докторъ оказался бы не въ силахъ работать надъ подготовкой своего опыта.

Иначе думала Розина. Конечно, ей не была извѣстна настоящая цѣль путешествія. Ея любимецъ сказалъ ей, что отправляется путешествовать ради здоровья. Ну, развѣ можно поправиться въ такомъ закоптѣломъ, узкомъ, желѣзномъ ящикѣ, вѣчно раскачиваемомъ машинами! А индійскіе слуги, темные, подозрительные люди, которые говорили между собой на нехристіанскомъ языкѣ и бѣгали повсюду въ своихъ національныхъ одеждахъ! А каюты! Она жила въ одной каютѣ съ толстой молодой женщиной, которая заняла нижнюю койку, такъ что ей приходилось каждый вечеръ карабкаться наверхъ. Въ узенькой каютѣ еле можно было одѣться, а одежда другой пассажирки валялась повсюду. По вечерамъ между ними шла война изъ-за свѣта; толстуха любила почитать въ кровати; Розина не могла спать при огнѣ. И что она читала! Англійскіе переводы Золя и писа-

телей въ томъ же родѣ. Розина заглянула разъ въ одну изъ книгъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ по каютѣ, и съ ней чуть не сдѣлался ударъ, когда она увидѣла иллюстраціи. Несмотря на свою антипатію къ молодой женщинѣ, Розина попробовала было на плохомъ англійскомъ языкѣ обратить ея вниманіе на безнравственность и неприличіе такого рода чтенія. Но закоренѣлая грѣшница только расхохоталась и замѣтила, что авторъ—соотечественникъ проповѣдницы. Тогда Розина прекратила всякое знакомство съ ней.

Докторъ скоро раскаялся, что взялъ съ собою экономку. Здѣсь, на палубѣ, въ тѣсномъ кругу, она раздражала его своимъ упрямымъ сопротивленіемъ и дурнымъ расположеніемъ духа еще сильнѣе, чѣмъ дома. Особенно выводило его изъ себя ея враждебное отношеніе къ м-ссъ Уигъ и тѣмъ болѣе къ ея дочери. Онъ сдѣлалъ ей выговоръ и она откровенно призналась, что совершенно не выноситъ Мэри. Она сама не знаетъ почему, но что-то въ дѣвчкѣ отталкиваетъ ее, словно мрачное воспоминаніе о какомъ-то несчастіи.

Докторъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее; это замѣчаніе какъ-то не подходило къ ея твердому, лишенному фантазіи характеру. Онъ еще разъ предупредилъ ее, недовольно покачалъ головой и рѣшилъ, во что бы то ни стало, отослать ее изъ Сиднея домой.

А затѣмъ онъ снова углубился въ свои пси-

хологическія размышленія. Передъ его духовными очами открылась перспектива прошлаго, расплывчатая и неясная, но столь безконечная, что дрожь ужаса охватила его, кровь застывала въ жилахъ! Воспоминанія! Что значили какіе-то жалкіе кристаллы углерода изъ Кимберлея въ сравненіи съ возможностью наконецъ сорвать покрывало съ тайны, опутавшей своимъ мракомъ начало жизни человѣчества.

Леденящій душу ужасъ исчезъ. Дрожь вдохновенія охватила его.

Прошлое должно открыть передъ нимъ всѣ свои тайны, все пережитое. А когда онъ прочтетъ эволюцію нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ, тогда и будущее не укроется отъ лучезарной логики его выводовъ. Когда онъ разрѣшитъ загадку прошлаго, тогда онъ сможетъ разрѣшить и загадку будущаго.

И онъ уже видѣлъ всевозможные результаты его работы, когда будетъ найдена исходная точка, положено твердое основаніе для всѣхъ научныхъ выводовъ! Какой переворотъ произойдетъ во всѣхъ областяхъ изслѣдованія! Исторія, геологія, естествовѣдѣніе—все внезапно станетъ на твердую почву, и зданіе науки вознесется къ небу.

И онъ, докторъ Жакъ Шаркоттъ, проложитъ путь къ познанію неизвѣстнаго, прольетъ свѣтъ въ вѣчный мракъ давно забытыхъ періодовъ, найдетъ ключъ во святая святыхъ Божества! Въ то время, какъ человѣчество старается про-

честь что-нибудь въ звѣздахъ, создаетъ необыкновенныя теоріи, основанныя лишь на произвольныхъ предпосылкахъ, и какъ зоологъ возстановляетъ исторію земли по одной кости ея скелета— онъ, Шаркоттъ, откроетъ неисчерпанный родникъ, восходящій ко временамъ чуть ли не грѣхопаденія.

Воспоминаніе! Отъ хотѣлъ исчерпать сокровища, накопившіяся въ человѣческомъ мозгу, астральныя окаменѣлости, милліоны которыхъ остаются незамѣченными. Словно волшебствомъ, хотѣлъ онъ вызвать изъ моря забвенія картины тысячелѣтій, запечатлѣвшіяся въ глубинѣ сознанія. Онъ хотѣлъ погрузить духъ ребенка въ страшную глубину, туда, гдѣ свѣтитъ солнце небытія.

Опытъ долженъ удался! Развѣ всѣ клѣточки, изъ которыхъ образовались ткани тѣла, не произошли отъ первоначальной клѣтки? Развѣ атомы, изъ которыхъ оно состоитъ, не существовали на землѣ отъ вѣчности, всегда подчиненные однимъ и тѣмъ же законамъ?

Онъ всталъ и поднялъ руки кверху.

— Мы идемъ, о боги! — угрожающе проговорилъ онъ. Мы построимъ башню, которой вы не сможете разрушить, потому что она будетъ создана не изъ камней, а изъ мысли. Мы добудемъ матеріалъ не изъ глубины земли, а изъ глубины человѣческой души. Какъ кора нашей планеты образовалась изъ множества наслоеній, такъ наше сознаніе, наша душа образовались изъ наслоеній воспоминаній. И какъ...

Дверь распахнулась, и въ каюту вошла м-съ Уигъ. Увидя доктора, она испугалась и измѣнилась въ лицѣ.

— Извините, пожалуйста,—смущенно проговорила она.—Я хотѣла только взять книгу. На палубѣ такъ скучно!

— Пожалуйста. Салонъ вѣдь у насъ общій.

Она поспѣшно взяла какой-то романъ и вышла изъ каюты. Онъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— И ее я узнаю вполнѣ,—пробормоталъ онъ. Дочь откроетъ мнѣ то что, скрыто въ глубинѣ ея души. Жаль, что я долженъ ограничиться только раскрытіемъ того, что было за десять—одиннадцать лѣтъ до моего знакомства съ ней.

Внезапно его мысли приняли другое направленіе.

«Какой переворотъ въ человѣческомъ обществѣ произведетъ моя попытка,—разсуждалъ онъ самъ съ собой.—Кто захочетъ тогда имѣть дѣтей? Какой мужчина, какая женщина будутъ равнодушно относиться къ мысли, что обнаружатся самыя интимныя движенія ихъ сердецъ, ихъ самыя сокровенныя помыслы? До сихъ поръ всѣ грѣхи человѣка были извѣстны только Богу. Теперь же всѣ люди будутъ читать его злыя желанія, неблагородныя мысли и пороки, хотя бы они и никогда не переходили въ дѣйствіе, такъ же свободно, какъ обвинительный актъ

преступника. Если бы даже число медиумовъ было ограничено, то и тогда никто не могъ бы знать, кто именно подверженъ вліянію гипноза. Недовѣріе явилось бы первымъ плодомъ этого переворота. Ученіе о потенциальномъ воспоминаніи проникло бы въ нравственную и духовную жизнь цивилизованнаго человѣчества глубже всякой новой религіи. А результатъ? Онъ неизбежно долженъ повести къ добру. Міръ долженъ стать лучше, если умъ и сердце человѣка будутъ прозрачны, какъ стекло. Люди должны будутъ научиться не только поступать честно, но такъ же и думать и чувствовать. Они привыкнутъ обуздывать свои желанія и сужденія. Они должны стать чистыми даже въ мечтахъ и въ грезахъ».

Онъ хотѣлъ открыть человѣчеству путь къ истинѣ и къ добру.

— Только такія старыя дѣвы, какъ Розина, останутся неизмѣнными, — съ улыбкой проговорилъ онъ, выходя на палубу и прогуливаясь подъ тентомъ, который защищалъ его отъ лучей солнца, освѣщавшихъ поверхность еще недавно столь негостеприимнаго Бискайскаго залива.

IV.

Дни протекали, словно въ волшебномъ снѣ. Только на морѣ возможна и выносима жизнь, какую ведутъ пассажиры большого парохода

безъ работы, свободные отъ какихъ-либо занятій. Во всякой другой обстановкѣ скука, при ограниченности мѣста, однообразіи впечатлѣній и отсутствіи порядка въ распредѣленіи дня, довела бы до опаснаго отупѣнія.

Но пассажиры на «Гималайи» охотно предавались «*dolce far niente*»; даже чтеніе романовъ казалось имъ обременительнымъ. Въ сладкомъ полусуществованіи забвенія, походившаго на сновидѣніе, обѣдъ съ неизмѣннымъ флиртомъ составлялъ событіе.

Даже озлобленная пуританка Розина Феканъ не устояла противъ дѣйствія сладкаго яда, хотя еще и боролась съ оттепелью, угрожавшею ледяному панцирю ея сердца. Но сердце все же таяло и таяло.

Она представляла собой печальное подтвержденіе пословицы: праздность—мать всѣхъ пороковъ. Полный переворотъ въ привычкахъ цѣлой жизни, связанный съ путешествіемъ, глубоко потрясъ ея возрѣнія, а долгіе часы вынужденной праздности разрушительно повліяли на твердость ея характера.

А такъ какъ извѣстно, что дьяволъ всегда насторожѣнъ, то онъ и не упустилъ случая воспользоваться слабостью миссъ Розины. Онъ взялъ крѣпость не штурмомъ, а тайными путями пробрался къ такъ старательно оберегаемымъ форпостамъ.

Главный буфетчикъ во второмъ классѣ былъ

красивый индусъ, по имени Нурри-Сингъ. Что-то таинственное, мечтательное виднѣлось въ его большихъ темныхъ глазахъ, напоминавшихъ взглядомъ глаза большой преданной собаки. Онъ былъ высокъ ростомъ, мускулистъ и гибокъ; свѣтло-коричневый цвѣтъ его кожи составлялъ пріятный контрастъ съ ослѣпительной бѣлизной его одежды. Къ тому же у него была большая, темная, шелковистая борода, а голосъ его звучалъ мелодично и вкрадчиво.

Но всѣ эти качества не произвели бы никакого впечатлѣнія на черствое сердце Розины, если бы Нурри... не умѣлъ говорить по-французски. За исключеніемъ доктора, онъ единственный на цѣломъ пароходѣ умѣлъ говорить по-французски. По его словамъ, онъ много лѣтъ плавалъ на одномъ изъ пароходовъ «Messageries Maritimes» между Сиднеемъ и Нумеей.

Тамъ-то онъ и научился французскому языку настолько, чтобы вести разговоръ съ людьми нетребовательными относительно грамматики.

Вдобавокъ онъ называлъ себя христіаниномъ и, дѣйствительно, у него было свидѣтельство о крещеніи отъ миссіи «Sacre coeur». Конечно, это свидѣтельство могло принадлежать и другому, какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и имя, которымъ онъ назывался. Но документъ удовлетворялъ простодушную Розину.

Красивый индусъ былъ человѣкъ свѣтскій. Къ тому же онъ обладалъ мягкой вкрадчивостью,

почти покорностью, свойственной его расѣ, что было особенно пріятно властной натурѣ Розины. Въ немъ было что-то женственное; въ ней—мужское. Они, такъ сказать, дополняли другъ друга.

При всякомъ удобномъ случаѣ они обмѣнивались нѣсколькими ласковыми словами. Обязанности Нурри-Синга, его подчиненное положеніе и, особенно, окраска его кожи, понятно, мѣшали продолжительнымъ, открытымъ свиданіямъ. Какъ бы то ни было, вѣдь она была миссъ Розина, пассажирка. Но эти короткія встрѣчи имѣли свою особую прелесть. И незамѣтно, не отдавая себѣ отчета, строгая, она, такъ долго державшаяся вдали отъ каждаго существа, называвшагося мужчиной, дошла въ своихъ отношеніяхъ къ нему до того, что, пожалуй, уже слишкомъ было похоже на флиртъ.

Вслѣдствіе этого она значительно ослабила надзоръ надъ нравственностью своего молодого барина; частью оттого, что время и вниманіе ея теперь были заняты другимъ, частью же потому, что вообще она стала снисходительна къ подобнымъ вещамъ.

Докторъ, конечно, замѣчалъ перемѣну въ настроеніи своей экономки, но былъ слишкомъ занятъ, чтобы ломать себѣ голову надъ причиной ея.

Но однажды, когда онъ занимался съ Мэри въ ихъ маленькомъ салонѣ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что кто-то подслушиваетъ у двери его каюты, которую онъ заперъ при выходѣ.

Онъ поспѣшно вышелъ изъ салона и замѣтилъ, что какая-то бѣлая фигура проскользнула въ противоположную дверь.

Это незначительное происшествіе встревожило его. Кто могъ интересоваться его занятіями съ дѣвочкой? И почему? Очевидно, это былъ индусъ. Невольно ему припомнилось нападеніе на м-ра Уига въ Сиднеѣ, о которомъ ему рассказывала м-съ Люси.

Въ тотъ же день онъ спросилъ свою экономку, не замѣтила ли она чего-нибудь.

Вмѣсто отвѣта та покраснѣла, какъ шонъ.

— Что это съ вами? — спросилъ пораженный докторъ.

— Это... это былъ... вѣроятно, г. буфетчикъ изъ второго класса—онъ, вѣрно, пришелъ звать меня къ обѣду...—смущенно бормотала Розина.

Вообще застѣнчивость не была въ числѣ ея привычекъ, и потому докторъ недовѣрчиво взглянулъ на нее.

Но вдругъ его словно озарила какая-то мысль, и онъ расхохотался ото всего сердца.

— Чортъ возьми, Розина, въ ваши-то годы!— Да, да, и старость, какъ видно, не предохраняетъ отъ глупости.

— Баринъ!—взволнованно вскрикнула она.

— Хорошо! Я понимаю.

Онъ, смѣясь, отвернулся отъ нея, а она съ чисто женской логикой отыскала Нурри-Синга и яростно набросилась на него, пока онъ не

смягчилъ нѣсколько ея гнѣва своимъ безконечно грустнымъ и смиреннымъ видомъ.

Однако, она запретила ему разъ навсегда входить въ каюту молодого барина подъ предлогомъ желанія помочь ей.

Она не замѣтила угрожающаго взгляда, который бросилъ на нее украдкой индусъ.

Мэри Уигъ была понятливой ученицей, несмотря на отпечатокъ мечтательной разсѣянности, лежавшій на ея нѣжныхъ чертахъ. Докторъ подходилъ къ главной цѣли своихъ занятій съ величайшей осторожностью, хотя внутренне стогралъ отъ нетерпѣнія. Онъ заранѣе рѣшилъ воспользоваться трансомъ только въ случаѣ необходимости, когда дѣло пойдетъ къ развязкѣ. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что здоровье дѣвочки, какъ психическое, такъ и физическое, должно значительно пострадать при болѣе сильныхъ внушеніяхъ и при усыпленіи.

Держа ее подъ тѣмъ легкимъ гипнозомъ, который не сознается объектомъ его, докторъ систематически дѣйствовалъ на умственный міръ дѣвочки и при каждомъ удобномъ случаѣ старался заинтересовать ее загадочной стороной жизни, заставить ея фантазію перенестись въ таинственный, потусторонній міръ. Это было не трудно при наклонностяхъ дѣвочки, и она все чаще впадала въ тяжелое молчаніе къ ужасу матери, которая надѣялась, что путешествіе, свѣжій морской воздухъ, перемѣна жизни вызовутъ

расцвѣтъ жизненныхъ силъ, такъ недостававшихъ ея дочери.

Она не подозрѣвала причины такого состоянія дѣвочки. Въ докторѣ она видѣла нѣчто большее, чѣмъ ученаго фанатика; юношески розовый румянецъ покрывалъ ея щеки; горестное выраженіе ея лица смягчалось, когда онъ приближался къ ней, садился рядомъ и начиналъ доврчиво болтать.

Докторъ Шаркоттъ не свелъ знакомства ни съ кѣмъ изъ пассажировъ и офицеровъ парохода, за исключеніемъ судоваго врача, съ которымъ онъ иногда обсуждалъ нѣкоторые спорные медицинскіе вопросы. Зато онъ все сильнѣе и сильнѣе сближался съ м-ссъ Уигъ. Онъ разговаривалъ съ ней о прежнихъ временахъ, о ея жизни въ Лондонѣ и Сиднеѣ, и никакія мелочныя подробности не были, повидимому, скучны для него. Иногда ей казалось, будто онъ зондируетъ самую глубину ея души, словно желая узнать самыя сокровенныя уголки ея. Она дрожала подъ его испытующимъ взглядомъ и робѣла, какъ молодая дѣвушка. Повременамъ словно лихорадка охватывала ее; горячая кровь бросалась въ голову, а потомъ внезапно ей становилось жутко отъ какого-то непонятнаго страха.

Должно быть, это была любовь, настоящая любовь, неизвѣданная ею, несмотря на долгіе годы замужества. Это было нѣчто непохожее, совершенно непохожее на то чувство, которое она

испытывала, когда была невѣстой. Тогда она любила тѣломъ и отдавала его мужу; теперь ея душа смиренно приносила себя въ жертву желанію и волѣ этого человѣка. Она чувствовала себя счастливою, что можетъ открыть ему свои самыя глубокія душевныя движенія, и не замѣчала, что онъ, со своей стороны, такъ мало даетъ ей и все только требуетъ отъ нея.

Онъ былъ еще слѣпецъ. Онъ не видѣлъ ни надежды, ни сладкаго ожиданія, возбужденнаго имъ въ ея сердцѣ. Онъ до сихъ поръ такъ же не уяснилъ себѣ причинъ, которыя влекли его къ молодой женщинѣ, какъ не понималъ большинства ощущеній, не имѣвшихъ отношенія къ его научнымъ занятіямъ. Если бы онъ догадался, въ чемъ дѣло, то сейчасъ же постарался бы всей силой своей воли оградить себя отъ столь сильныхъ внѣшнихъ вліяній. Онъ могъ достигъ цѣли только при полной сосредоточенности своей воли.

Когда онъ такъ подробно спрашивалъ м-съ Уигъ о ея брачной жизни—онъ только собиралъ матеріалъ для своего опыта.

Когда онъ съ осторожностью и съ большимъ тактомъ, все больше и больше втягивалъ Мэри въ область воспоминаній, онъ старался дать точку опоры ея духу, погружавшемуся въ глубины прошлаго. Онъ совершенно незамѣтнымъ образомъ наводилъ рѣчь на мелкія происшествія, совершавшіяся во время короткой жизни

ребенка. Онъ пользовался разсказами матери для того, чтобы оживить воспоминанія о полузабытыхъ событіяхъ, такъ, что эти подробности не только вставали передъ ней съ полною ясностью, но чтобы и она сама могла, по своей волѣ, вызывать ихъ.

Мэри все сильнѣе привязывалась къ своему учителю. Какое-то инстинктивное чувство влекло ее къ нему. И когда она прислушивалась къ его словамъ съ широко раскрытыми мечтательными глазами, она забывала все вокругъ и чувствовала только непреодолимое могущество его присутствія.

— Иногда мнѣ кажется, — совершенно неожиданно сказала она однажды, — что я уже раньше слышала вашъ голосъ или видѣла васъ — не знаю когда... давно, давно. Но вѣдь это невозможно. Вѣдь я только недавно познакомилась съ вами, не правда ли, докторъ?

Докторъ, поблѣднѣвъ, взглянулъ на нее. Она ничего не замѣтила.

— И я хочу вспомнить, когда это могло быть. Точно кто-то заставляетъ меня думать объ этомъ, — шепотомъ продолжала она. Что это такое? Вѣдь это же глупость?

Она попробовала улыбнуться, но въ глазахъ у нея стоялъ тревожный вопросъ. Въ эту минуту она не имѣла больше вида ребенка.

Докторъ Шаркоттъ не скоро нашелъ отвѣтъ.

— Это такое странное чувство, — продолжала

дѣвочка. Мамѣ я ничего не скажу. Она стала бы смѣяться надо мной. Но вы много рассказывали мнѣ о такихъ же непонятныхъ вещахъ. Словно я вижу это во снѣ. А вѣдь я не сплю!

— Ты заблуждаешься, Мэри, сказалъ, наконецъ, докторъ. — Можетъ быть, ты ошибаешься, потому что твои воспоминанія не очень ясны. На свѣтѣ столько людей со схожими голосами и чертами лица. Вѣроятно, когда ты была совсѣмъ маленькой, ты слышала кого-нибудь, кто говорилъ такъ же, какъ я.

Она только слегка покачала головой.

Докторъ сѣлъ за піанино, составлявшее роскошь крошечнаго салона, и заигралъ тихую, грустную мелодію. Сыгравъ нѣсколько тактовъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что дѣвочка сидитъ, вся погруженная въ раздумье.

Музыка внезапно умолкла, и докторъ также погрузился въ глубокія думы.

Онъ осторожно заперъ крышку піанино и тихонько прокрался на палубу такъ, что Мэри не замѣтила этого. Задумчиво нагнулся онъ надъ бортомъ и устремилъ взглядъ на бурлившую за кормой парохода голубую воду.

Конечно, это необъяснимое воспоминаніе дѣвочки—заблужденіе. И все же, если бы только знать навѣрно! Теперь, при концѣ путешествія, когда скоро наступитъ время, когда отъ всѣхъ этихъ приготовленій онъ хотѣлъ перейти къ дѣлу, онъ не долженъ сомнѣваться въ себѣ.

Можетъ быть, ея мать и тутъ поможетъ ему. Можетъ быть прежде у семьи Уигъ были какіе нибудь знакомые, къ которымъ могли относиться воспоминанія Мэри.

Или... нѣтъ, это уже совершенно невѣроятно! Не имѣла ли м-съ Уигъ, до знакомства со своимъ мужемъ, отношеній съ похожимъ на него человѣкомъ? Забыть его она не могла, разъ воспоминаніе о немъ могло наслѣдоваться въ такой сильной степени.

Но почему же воспоминанія, вопреки всѣмъ психическимъ опытамъ, передались дочери со стороны матери? Вѣдь она должна бы наслѣдовать свои психическія особенности преимущественно отъ отца! Такъ говорило ученіе объ эволюціи.

Не представляетъ ли собой исключеніе данный случай? Тогда поиски брилліантовъ потерпятъ неудачу.

Но какое ему, въ сущности, дѣло до Кимберлейскаго общества? Зато его опытъ удастся исполнѣ.

Во всякомъ случаѣ надо удостовѣриться, не разрѣшается ли неожиданная загадка самымъ обыкновеннымъ образомъ. И онъ направился въ ту сторону, гдѣ на соломенномъ стулѣ сидѣла обыкновенно м-съ Уигъ.

Она подняла глаза отъ книги и улыбнулась ему.

— Ну, уроки кончены?—спросила она, указывая на стулъ рядомъ.

Докторъ придвинулъ стулъ еще ближе и опустился на него.

— Да,—отвѣтилъ онъ, взявъ книгу съ ея колѣнъ и сталъ разсѣянно перелистывать ее.

— Какъ это вы можете сидѣть въ душной каютѣ въ такую жару?! Право, я думаю и вамъ, и моей дочери не лишнее было бы отдохнуть денька два. Дѣвочка все блѣднѣетъ и худѣетъ.

— Ну, дѣло не такъ плохо! Перемѣна климата... вотъ и все.

— Если бы это дѣйствительно было такъ,—со вздохомъ замѣтила мать.

— И къ тому же наступаетъ такой возрастъ...

— Да, да! Но... не замѣчали вы въ ея глазахъ чего-то особеннаго, что пугаетъ меня.

— Успокойтесь, пожалуйста! Дѣвочка физически совершенно здорова, можете повѣрить мнѣ, какъ доктору. Лучше поговоримъ о другомъ.

Онъ взглянулъ на нее съ улыбкой, которая сразу навела ее на другія мысли.

— Рады вы будете увидѣть Сидней?—продолжалъ онъ.—Мы будемъ тамъ черезъ недѣлю, а можетъ быть и черезъ шесть дней.

— Да... право не знаю,—нерѣшительно отвѣтила она.—Видъ гавани, навѣрное, возбудитъ во мнѣ смѣшанныя чувства. Вообще, не слѣдуетъ возвращаться туда, гдѣ нѣкогда былъ счастливъ.

— Значитъ, вы были тамъ счастливы?

— Не всегда... не вполнѣ! Но всетаки счастливѣе, чѣмъ въ Англии.

Она скользнула взглядомъ по сверкавшей поверхности моря, которое тихо дремало подъ лучами полуденнаго солнца, и заговорила съ едва сдерживаемою страстью:

— Я родомъ съ сѣвера, но провела на югѣ всю мою юность. Я задыхалась подъ сѣрымъ и облачнымъ лондонскимъ небомъ, безконечные ряды домовъ съ ихъ холодными, мертвыми глазами давили меня; я была, словно плѣнница въ темницѣ. Я стремилась,—о, какъ страстно стремилась!—къ воздуху и свѣту во всѣ годы моего замужества. Въ уличной суматохѣ, среди блѣдныхъ, равнодушныхъ людей, я чувствовала себя одинокой и тысячу разъ желала перенестись, хоть на часъ, въ австралійскій лѣсъ, въ которомъ нѣтъ этихъ вѣчно суетящихся, куда-то спѣшащихъ людей, превращенныхъ въ машины, туда, гдѣ, бывало, живая природа окружала меня, и плакала и смѣялась со мной, гдѣ въ глубинѣ лѣса тихо шептали о чемъ-то эвкалипты, словно повѣряя другъ другу какія-то тайны, а вверху разстилалось синее небо, съ одной стороны касаясь далекихъ горъ, а на востокѣ утопая въ океанѣ.

— А Сидней... съ его полмилліономъ жителей?—нѣсколько лукаво спросилъ докторъ.

— Сидней?—вкрикнула она.—Неужели же вы хотите сравнивать этотъ солнечный городъ съ Лондономъ? Вы хотите... впрочемъ, я извиняю васъ. Вы вѣдь не видѣли Австраліи. Вы не знаете юга!

— О, какъ не знаю!—пробормоталъ онъ про себя и провелъ рукой по лицу, какъ бы желая прогнать грустное воспоминаніе.

Потомъ онъ заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Вы были правы, м-ссъ Уигъ. Надо всегда быть готовымъ въ разочарованіямъ. А вы, видимо, ожидаете ихъ.

— Нѣтъ... но...

— Можетъ быть, не только лѣсъ, солнце и синее небо дѣлали васъ такой счастливой. Каждый человѣкъ стремится туда, гдѣ протекла его юность, хотя бы эта желанная страна была даже Камчатка. А особенно вы...

Онъ подчеркнул свои слова многозначительной улыбкой и вѣжливымъ поклономъ.

— Что вы хотите сказать?—спросила она, слегка краснѣя.

— Ну, около розъ собираются бабочки. А бабочекъ, если онѣ красивы и разноцвѣтны, пріятно вспоминать, несмотря на ихъ вѣтренность.

— Стыдитесь, докторъ! И на васъ, кажется, дѣйствуетъ морской воздухъ. Вы совершенно измѣнились.

— Прежде я больше нравился вамъ?

Она промолчала.

— Скажите-ка мнѣ, м-ссъ Уигъ, не были вы когда-нибудь знакомы съ человѣкомъ, который походилъ на меня лицомъ, голосомъ или манерами?

И онъ впился взглядомъ въ ея глаза.

Она изумленно взглянула на него.

— Нѣтъ... никогда. Почему вы предложили мнѣ этотъ вопросъ?

— О... не знаю. Совершенно случайно. Вы вполне увѣрены въ этомъ?

— Не могу припомнить никого, кто походилъ бы на васъ.

По ея лицу онъ увидѣлъ, что она говоритъ правду, и задумался, пристально смотря на книгу въ ея рукахъ.

Молодая женщина замѣтила его разсѣянность и вывела изъ нея свои собственные заключенія, имѣвшія очень мало общаго съ размышленіями доктора.

«Можетъ быть, это происходитъ отъ недостатка увѣренности, — думала она, — онъ такъ тихъ и застѣнчивъ и никакъ не можетъ понять, что его можно любить. Онъ мучится, ища объясненія...»

Голосъ доктора прервалъ нить ея размышленій.

— Извините, пожалуйста. У меня бываютъ иногда странныя фантазіи. Но вы выказали мнѣ такое довѣріе въ важномъ для васъ вопросѣ — что доказывается нашимъ теперешнимъ путешествіемъ—что меня, какъ психолога...

Она не слушала его дальше. Значить, она угадала вѣрно... или почти вѣрно! Ну, а отъ симпатіи къ любви одинъ шагъ. И она замечталась.

Докторъ иначе понялъ ея молчаніе и попробовалъ ввести разговоръ въ обычное русло.

— Я также буду радъ, когда мы прїѣдемъ въ Сидней,—сказалъ онъ.— Если мы будемъ возвращаться назадъ съ брилліантами въ карманѣ, то день-другой промедленія не огорчитъ насъ. Но теперь нетерпѣніе овладѣваетъ мной... Вы сдержали свое обѣщаніе и ничего не говорили вашей дочери о цѣли нашей поѣздки?

— Понятно, ничего! Я вѣдь не сталъ бы обманывать васъ, докторъ.

Онъ кивнулъ головой, видимо успокоенный.

— А вы еще не теряете надежды? — продолжала молодая женщина.

— Она растетъ изо дня въ день, чѣмъ болѣе я обдумываю этотъ случай. Положитесь на меня. Какъ я говорилъ вамъ много разъ, я надѣюсь захватить въ свои руки эту «Черную руку». А остальное пойдетъ уже само собой. Но я говорилъ вамъ, что не могу открыться вамъ вполнѣ. Не сердитесь на меня за это, милая м-ссъ Уигъ, предоставьте все мнѣ. Я... но что съ вами?.. Ради Бога... что..

Молодая женщина смертельно поблѣднѣла. Выраженіе ужаса появилось на ея застывшемъ лицѣ. Она смотрѣла мимо доктора остановившимся взглядомъ, словно увидѣла призракъ.

Онъ обернулся.

Передъ нимъ стояла Мэри. Лицо ея было покрыто мертвенной блѣдностью. Она, казалось, не

узнавала ни матери, ни доктора и двигалась, какъ лунатикъ. Только въ глазахъ горѣлъ неприятный огонь.

Она была въ глубокомъ трансѣ. Испуганный докторъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло.

— Боже мой! Боже мой! — простонала мать и бросилась къ дѣвчкѣ.

— Мэри! Мэри! Что съ тобой? — закричала она. Что это съ тобой? Помогите! Помогите!

Докторъ Шаркоттъ, безъ церемоніи, зажалъ ей ротъ и нѣжно усадилъ ее на стулъ.

— Замолчите, Люси! шепнулъ онъ ей на ухо. Не пугайте пассажировъ! Опаснаго ничего нѣтъ!

Дѣвочка стояла неподвижно. Докторъ взялъ ея холодныя руки въ свои, устремилъ на нее пристальный, пронизательный взглядъ и спокойно сказалъ:

— Что съ тобой, Мэри? Ты увидѣла что-нибудь странное?

Ея горѣвшіе фосфорическимъ блескомъ глаза встрѣтились съ его взглядомъ; она отвѣтила механически, какъ автоматъ, ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Я увидѣла комнату — совсѣмъ темную комнату — и двухъ женщинъ, — а потомъ я опять услышала вашъ голосъ.

— Мой голосъ? — сорвалось съ устъ доктора.

Но дѣвочка не замѣтила этого восклицанія.

— И много мужчинъ — съ желтыми лицами и длинными косами — они смѣялись и спали и ку-

рили изъ длинныхъ трубокъ — ахъ, это было ужасно... мнѣ сдѣлалось такъ страшно — и я убѣжала... и... и...

Она загнулась. Внезапно ея глаза закрылись и она покачнулась...

Докторъ подхватилъ ее и положилъ на стулъ.

— Обморокъ! — отрывисто сказалъ онъ растерявшейся матери. — Оставьте ее лежать и не беспокойте ее. Я приведу здѣшняго доктора. Я вернусь сейчасъ.

И онъ поспѣшно ушелъ.

Часъ спустя онъ сидѣлъ съ докторомъ въ его большой каютѣ.

— Вы не пьете виски? — спросилъ хозяинъ, наливая себѣ двойное количество этого напитка. — Совершенно напрасно. Это лучшее лѣкарство. Я бы прописалъ хорошій глоточекъ его нашей маленькой барышнѣ. Просто небольшой припадокъ слабости... формируется. Дѣвочки часто выкидываютъ въ это время потѣшныя штуки.. такъ я помню одинъ случай...

Докторъ былъ знакомъ съ воспоминаніями своего коллеги и боялся ихъ повторенія, а поэтому поспѣшно перебилъ его:

— Всетаки, по моему, не мѣшало бы велѣть пациенткѣ лежать нѣсколько дней въ постели. Можетъ быть, вы позаботитесь о дѣвочкѣ. Я очень близокъ съ ея матерью и поэтому считаю за лучшее не примѣнять моихъ медицинскихъ

познаній, тѣмъ болѣе, что научныя занятія совершенно отвлекли меня отъ практики.

— Конечно, коллега; я понимаю. И у меня есть свой конекъ. Я плаваю уже тридцать лѣтъ. Надо создать себѣ какой-нибудь интересъ въ жизни, не то совершенно отупѣешь. Вотъ я и составляю коллекцію снимковъ татуировки.

Докторъ Шаркоттъ вопросительно поднялъ брови.

— Что же мнѣ было выбрать? — продолжалъ хозяинъ. — Изобрѣтать средства противъ морской болѣзни, по моему мнѣнію, бесполезно. А между экипажемъ пароходства этой линіи, — почти исключительно кули — можно найти достаточно матеріала, гораздо больше, чѣмъ между бѣлыми моряками. У чернокожихъ, напр., всѣ изображенія и линіи имѣютъ обыкновенно какое-нибудь значеніе символическое, общественное, антропологическое, и т. п. — а бѣлый, большей частью, выпаращиваетъ голую женщину, свое имя, просто якорь или вообще что-нибудь совершенно незначительное. Дома, въ Англіи, у меня есть цѣлые тома рисунковъ; когда я уйду на покой, то издамъ большое иллюстрированное сочиненіе на эту тему. Тогда, по крайней мѣрѣ, я послужу чему-нибудь, кромѣ развитія производства кастороваго масла.

Докторъ внимательно выслушалъ его.

— А вамъ не случалось встрѣчать особой та-

туировки на рукѣ, похожей на черную человѣческую руку, коллега?—спросилъ онъ.

— Еще бы, много разъ. Чаще всего у китайцевъ и индусовъ. Одинъ разъ видѣлъ и у бѣлаго пассажира; забылъ его имя. Это было давно. Между прочимъ, странный знакъ. Мнѣ такъ и не удалось узнать что-нибудь о его значеніи. Бѣлый сказалъ въ короткихъ словахъ, что ему сдѣлалъ этотъ знакъ одинъ кули въ Сингапурѣ, какъ бы на память о его поѣздкѣ въ Азію. Можетъ быть, вы можете дать мнѣ какія-нибудь болѣе подробныя свѣдѣнія?

Докторъ Шаркоттъ покачалъ головой.

— Я никогда не интересовался этимъ вопросомъ,—сказалъ онъ.

— Жаль. Впрочемъ, у насъ здѣсь на пароходѣ есть экземпляръ съ черной рукой на плечѣ. Очень разумный малый. Но онъ несообщителенъ.

Докторъ сильно вздрогнулъ.

— Здѣсь на пароходѣ?—задыхаясь, спросилъ онъ.

— Да. Это главный буфетчикъ во второмъ классѣ. Онъ еще флиртируетъ съ вашей экономкой. Малый не промахъ, вы, навѣрное, видали его. Я увидѣлъ у него знакъ при осмотрѣ передъ отъѣздомъ... Однако, коллега, у васъ плохой видъ. Несчастный случай, кажется, подѣйствовалъ на ваши нервы. Выпили бы вы, право, глоточекъ виски... Не хотите?.. Ну, такъ тогда

выйдите на свѣжій воздухъ; это тоже хорошо. До свиданія!

Докторъ Шаркоттъ еле сдерживалъ волненіе. Онъ поспѣшно прошелъ на верхнюю палубу, довольно пустынную въ обѣденные часы, и сталъ расхаживать взадъ и впередъ большими шагами, разговаривая самъ съ собою вполголоса.

«Дѣло становится болѣе, чѣмъ интересно для меня. Со всѣхъ сторонъ неожиданныя помѣхи и препятствія! Сначала странныя идеи Мэри, потомъ этотъ трансъ — я зашелъ слишкомъ далеко съ ней — и видѣніе. Навѣрное, оно относится къ Сиднею. Это или какой-нибудь китайскій разбойничій притонъ или харчевня. Надо будетъ еще подробнѣе разспросить мать. Но осторожно, осторожно! Она не должна замѣтить, чего я жду отъ ея дочери. Одного не понимаю: гдѣ же скрывается воспоминаніе о ея отцѣ? Вѣдь она съ дѣтства была особенно привязана къ нему и теперь всегда говоритъ о немъ съ исключительнымъ чувствомъ...

«А эта исторія съ «Черной рукой»? Можетъ быть это простая случайность, такъ какъ члены этого общества, какъ кажется, распространены по всему свѣту. Но все же странно, что именно этотъ малый забрался недавно въ мою каюту. Неужели тайная банда наблюдаетъ за мной и преслѣдуетъ меня? Во всякомъ случаѣ надо быть насторожѣ.

«А теперь идемъ къ м-ссъ Уигъ!»

Погруженный въ раздумье, онъ спустился въ свою каюту и вошелъ въ салонъ. Та, которую онъ искалъ, лежала на кушеткѣ, спрятавъ лицо въ подушки и судорожно рыдала. Увидѣвъ это, докторъ нахмурился.

— Послушайте! — сурово проговорилъ онъ. — Что означаетъ это бесполезное волненіе? Вы доведете себя до болѣзни.

Она продолжала непрерывно рыдать. Все тѣло ея конвульсивно вздрагивало.

— М-ссъ Уигъ! — громче проговорилъ докторъ и дотронулся до ея плеча.

Она вскочила и устремила на него пристальный взглядъ. На ея лицѣ виднѣлось отраженіе того же ужаса, который охватилъ ее при появленіи Мэри на палубѣ.

— Вы какъ будто боитесь меня, — пошутилъ докторъ, но въ то же время онъ почувствовалъ себя неловко.

Молодая женщина попробовала подняться. Онъ придвинулъ къ кушеткѣ стулъ, сѣлъ и схватилъ ея руку... она вырвала ее боязливымъ движеніемъ.

— Образумьтесь, моя дорогая, — успокаивающе проговорилъ онъ. — У дѣвочки нѣтъ ничего опаснаго. Просто мимолетная слабость съ истерическими явленіями. Вѣдь докторъ сказалъ вамъ то же самое.

— Оставьте меня! — рыдая проговорила она, — я хочу пройти въ свою каюту.

— Хорошо, но прежде вы должны совладать съ собой. Вы взволнуете большую, а ей нуженъ только покой. Черезъ нѣсколько дней она будетъ совсѣмъ здорова и весела. И такъ...—онъ отнялъ платокъ отъ ея заплаканныхъ глазъ и налилъ ей стаканъ воды.

Она жадно выпила глотокъ. Но глаза ея тревожно избѣгали его взгляда. Ему казалось, что она чувствуетъ, что онъ лжетъ и что онъ виновенъ въ болѣзни дѣвочки. Это подозрѣніе еще болѣе смутило его; однако онъ спросилъ насколько возможно равнодушнымъ тономъ:

— Что хотѣла сказать дѣвочка своими намеками? Вѣроятно, это какія-нибудь старыя воспоминанія... можетъ быть, о Сиднеѣ? Очевидно, дѣло шло о китайцахъ или о чемъ-то въ этомъ родѣ.

Молодая женщина тяжело дышала; порывистымъ движеніемъ она разорвала свой носовой платокъ.

— Можете вы объяснить эту загадку, м-ссъ Уигъ?

Снова выраженіе суевѣрнаго страха промелькнуло въ ея глазахъ.

— Нѣтъ... нѣтъ! Какъ могу я сдѣлать это?— рѣзко проговорила она и, оттолкнувъ его руку, съ громкимъ плачемъ убѣжала въ свою каюту.

Онъ былъ пораженъ. Одно было ясно: его она не подозрѣвала ни въ чемъ.

Что могло значить необъяснимое поведеніе

Мэри въ состояніи гипноза? Ну, придется потерпѣть до Сиднея. Вовсякомъ случаѣ, надо будетъ слѣдовать этимъ темнымъ указаніямъ, когда пароходъ дойдетъ до мѣста своего назначенія.

Кто-то задвигался въ его каютѣ.

— Розина!—окликнулъ докторъ.

Экономка показала въ дверяхъ и спросила, что ему угодно.

— Присядьте!—приказалъ онъ, указывая на стулъ напротивъ.

Она съ изумленіемъ повиновалась. У барина бывали причуды, но подобнаго рода «tête-à-tête» являлся новостью.

— Недавно я предостерегалъ васъ отъ знакомства съ черномазымъ индусомъ,—сразу приступилъ онъ къ дѣлу.

Розина побагровѣла и смущенно засмѣялась, что вышло довольно неудачно.

— Бросьте эти глупости,—рѣзко оборвалъ ее докторъ.

Тогда она приняла обиженный видъ.

— Г. Нурри-Сингъ...—начала она.

— Замолчите,—перебилъ онъ.—Будете говорить потомъ. Если раньше я отнесся къ этому случаю, какъ къ глупой шуткѣ съ вашей стороны и посмѣялся надъ вами, то теперь я перемѣнилъ свое мнѣніе. Если бы дѣло касалось лично меня, вы могли бы заводить свои шашни хоть съ патагонцемъ или эскимосомъ, если это доставляетъ вамъ удовольствіе на старости лѣтъ.

— Что вы говорите!—съ негодованіемъ крикнула Розина.

Онъ продолжалъ, ни мало не смущаясь:

— Лучше бы всего было, если бы какая-нибудь полуобезьяна сегодня же увезла васъ въ свой вигвамъ, тогда, наконецъ, вы оставили бы меня въ покоѣ.

Розина попробовала прибѣгнуть къ слезамъ и начала усиленно тереть глаза передникомъ. Но и это средство не помогло.

— Во всякомъ случаѣ... — и докторъ грозно поднялся со стула,—запрещаю вамъ разъ навсегда всякое знакомство съ буфетчикомъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь, на пароходѣ. Впослѣдствіи я уже приму мѣры предосторожности и...

Передникъ упалъ на колѣни, и экономка проговорила съ непритворнымъ ужасомъ:

— Баринъ... вѣдь онъ ничего не сдѣлалъ вамъ?

— Пока ничего. Но я узналъ изъ самаго вѣрнаго источника, что онъ негодяй и заговариваетъ вамъ зубы, чтобы сдѣлать изъ васъ орудіе своихъ плановъ.

Внѣ себя отъ ужаса глядѣла она на него.

— Почему... вы это знаете?

— Это ужъ мое дѣло.

— Но вѣдь вы не вѣрите, что я... — и она залилась, на этотъ разъ непритворными, слезами.

— Пока нѣтъ. Но если вы хоть единымъ словомъ нарушите мое приказаніе, я буду знать что думать. И за вами будутъ слѣдить.

— О, Господи! — рыдала совершенно убитая Розина, — вы можете вполне положиться на меня. Никогда... никогда больше я не взгляну на него. Я столько лѣтъ прожила у васъ и у вашихъ покойныхъ родителей, что вы можете положиться на меня. О, баринъ...

— Ну, хорошо! Хорошо! — проговорилъ докторъ. — Вы можете сейчасъ же дать мнѣ доказательство вашей искренности; отвѣтите мнѣ откровенно: болтали вы съ этимъ желтымъ негодяемъ обо мнѣ и о семьѣ Уигъ? Разспрашивалъ онъ о насъ? Истинную правду, Розина!

Онъ всталъ прямо передъ нею, смотря на нее въ упоръ.

— Ну? — нетерпѣливо сказалъ онъ.

— Да... а!.. Онъ много разспрашивалъ о васъ. Но совершенно невинно, просто изъ любопытства. Вѣдь надо же узнать другъ друга, откуда, кто и куда ѣдетъ. Я не рассказывала ему ничего особеннаго... рассказала только, какъ мы познакомились съ Уигами... что м-ръ Уигъ умеръ и... и...

Внезапно краска залила ее лицо, и она смущенно замолчала.

— И? — повелительно спросилъ докторъ.

— И... ну и что... ну, вы сами знаете... между вами и м-ссъ Уигъ... что вы собираетесь жениться... и тогда я...

Она не могла продолжать. Пережитая катастрофа была слишкомъ тяжела для сердца ста-

рой дѣвы. Съ ней сдѣлалось нѣчто въ родѣ истерики, отъ которой, однако, докторъ скоро избавилъ ее, быть можетъ, нѣсколько неэкономнымъ употребленіемъ нашатырнаго спирта.

— Третій припадокъ сегодня, — проворчалъ докторъ Шаркоттъ. — Чтобъ чортъ побралъ этихъ бабъ.

Онъ задумчиво выглянулъ въ окно.

— Глупая индюшка нашла, по крайней мѣрѣ, самое разумное объясненіе нашей совмѣстной поѣздки, — успокоенно проговорилъ онъ. — Но если эта собака-индусъ дѣйствительно шпионъ, то врядъ ли онъ повѣритъ этому объясненію. Придется на глазахъ у всѣхъ поухаживать за прекрасной вдовой.

И онъ выпелъ, оставивъ Розину среди развалинъ ея воздушнаго замка.

V.

— Альбани—два часа остановки!—Аделаида—шесть часовъ! Мельбурнъ—восемь часовъ! Сидней—конечная станція! Выходите, господа!

Въ послѣдніе дни на пароходѣ шла постоянная суматоха; пассажиры то входили, то выходили, повсюду царствовало безпокойство, передававшееся даже истопникамъ и кочегарамъ въ трюмъ. Всѣ укладывались, звали слугъ. Каждый требовалъ, чтобы сейчасъ же вынесли изъ трюма его сундуки. Стучали рычаги машинъ, сту-

чалъ телеграфный аппаратъ; винты парохода двигались то медленно, то скоро, а иногда и вовсе останавливались, и тогда непривычное спокойствіе воцарялось на желѣзномъ колосѣ, пульсировавшемъ и вздрагивавшемъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль.

Въ гаваняхъ на палубѣ появлялись толпы грузчиковъ, чиновниковъ, разносчиковъ, агентовъ и родственниковъ пассажировъ—и поднимался страшный шумъ. О спокойствіи нечего было и думать. Нельзя было найти укромнаго уголка, гдѣ можно было бы скрыться отъ полнаго разгрома.

Все это далеко не нравилось доктору Шаркотту. Во время прогулокъ на палубѣ его толкали носильщики и матросы; въ большомъ салонѣ лихорадочное возбужденіе матерей семействъ и ихъ дѣтей достигало высшей точки и выражалось въ соответствующемъ шумѣ и разговорахъ на высокихъ нотахъ; а курительная комната—единственный пріютъ болѣе привычныхъ къ путешествіямъ пассажировъ—была переполнена. Среди облаковъ табачнаго дыма виднѣлись только неясныя очертанія людей, игравшихъ въ вистъ и криббэдждъ.

Оставалась его каюта. Но и пребываніе въ ней не могло назваться идеальнымъ. Ради сбереженія времени «Гималайя» забирала понемногу уголь на каждой пристани, складывая его на одной сторонѣ палубы, тогда какъ съ другой

пассажиры сходили на землю и оттуда же выгружали почту и кладь. Чтобы избавиться отъ черной пыли, доктору приходилось герметически закупоривать дверь и окно каюты и брать по-неволѣ паровую ванну. Понятно, все это не могло помогать серьезной работѣ и философской сосредоточенности.

Когда пароходъ наконецъ снова приходилъ въ движеніе и оставлялъ позади суда съ углемъ, докторъ выходилъ на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Но тутъ появлялись какіе-то люди, по виду похожіе на трубочистовъ, съ длинными пожарными кишками, насосами, тряпками, швабрами и тому подобными вещами, и потокъ воды изливался на палубу, чтобы смыть съ нея густой слой пыли.

Однимъ словомъ, положеніе становилось невыносимѣе съ каждымъ днемъ, и докторъ радовался окончанію путешествія, какъ школьникъ приближенію каникулъ.

Къ тому же онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что индусъ-буфетчикъ приставленъ, чтобы слѣдить за нимъ. Лично за себя онъ нисколько не боялся. Больше всего его беспокоило опасеніе, что его драгоценная проблема, быть можетъ, высочайшая въ жизни человѣчества послѣ того, какъ оно нашло способъ добывать огонь, подвергается опасности. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, какую цѣль могла преслѣдо-

вать «Черная рука»; вѣдь его планъ не былъ извѣстенъ ей.

Онъ разспросилъ Розину, и то, что она сказала ему, подѣйствовало на него далеко не успокоительно. Она безпощадно обрѣзала Нурри-Синга при первой его попыткѣ приблизиться къ ней, и съ тѣхъ поръ индусъ держался вдали отъ нея, не прося никакихъ объясненій, не заявляя никакого протеста на столь внезапную перемѣну ея чувствъ.

— Это доказываетъ, что совѣсть у него, обманщика, нечиста! — печально объясняла она, утирая глаза краемъ передника.

Во всякомъ случаѣ поведение недавно еще такого страстнаго и преданнаго поклонника указывало, что онъ замышлялъ нѣчто, не имѣвшее никакого отношенія съ любовными похождениями. Можетъ быть, дѣло шло просто о томъ, чтобъ обокрасть доктора или обмануть его экономку, сдѣлавъ ей предложеніе.

Шаркотту приходилось удовольствоваться этими соображеніями.

Въ послѣднее время онъ не видалъ ни Мэри, ни ея матери. Дѣвочка выздоровѣла, но была очень нервна, и корабельный докторъ посоветовалъ ей оставаться въ каютѣ, чтобъ избѣжать суматохи, царствовавшей на палубѣ.

М-ссъ Уигъ была удивительная сестра милосердія. Но доктору казалось, что она нарочно не выходитъ изъ каюты, чтобъ не встрѣчаться

съ нимъ. Когда они видѣлись, то обмѣнивались лишь нѣсколькими словами. Докторъ не понималъ ея поведенія, но въ головѣ у него толпилось столько мыслей, что онъ не могъ заняться вопросами о перемѣнѣ въ отношеніяхъ къ нему м-съ Уигъ. Въ общемъ, онъ былъ очень доволенъ, что Мэри была удалена отъ общества на пароходѣ; о занятіяхъ же все равно нечего было и думать.

Но все на свѣтѣ приходитъ къ концу. И въ одинъ прекрасный день «Гималайя» вошла въ портъ Джексонъ—гавань Сиднея—и остановилась у пристани «Восточнаго пароходства».

Среди толпы, бросившейся на палубу парохода, какъ только спустили сходни, находился м-ръ Джонсъ, представитель фирмы Ф. Броунъ и Джонсъ, агентовъ Кимберлейскаго общества въ Австраліи. Онъ скоро разыскалъ доктора Шаркотта.

М-ръ Джонсъ былъ пожилой, словно налитый ртутью человекъ, маленькаго роста, съ чисто выбритымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ, съ громаднымъ портфелемъ подъ мышкой и въ цилиндрѣ, на поверхности котораго ярко отражались лучи солнца. Казалось, отъ одного его присутствія температура воздуха подымалась градусовъ на десять. Его любезность и стремленіе услужить доктору не имѣли границъ. Онъ сообщилъ, что изъ Лондона его уже посвятили во все, и онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы быть полезнымъ

доктору и его спутницамъ. Онъ сказалъ нѣсколько церемонныхъ и замысловатыхъ комплиментовъ миссъ Феканъ, которую принялъ за м-ссъ Уигъ, и предложилъ свою карету.

Потомъ онъ отвелъ доктора въ сторону и поспѣшно зашепталъ:

— Я освѣдомленъ обо всемъ, г. докторъ! Освѣдомленъ вполнѣ. Но, за исключеніемъ меня, никто въ Австраліи не знаетъ вашихъ плановъ, никто! Ну, а я, само собой разумѣется, буду нѣмъ, какъ могила, а дѣла надо держать въ секретѣ,—хи-хи-хи!—говорю я всегда... Обращайтесь, пожалуйста, смѣло ко мнѣ. У меня также открытъ вамъ кредитъ, милостивый государь, значительный кредитъ. Итакъ, обращайтесь только ко мнѣ—мистеръ Ф.В. Джонсъ... меня всѣ знаютъ въ Сиднеѣ. Вотъ моя карточка, г. докторъ. Я написалъ на ней названіе отеля. А теперь прошу извинить меня. У меня такъ много дѣла, когда приходитъ почтовый пароходъ, такая масса дѣла! Прошу васъ передать мой поклонъ дамамъ; надѣюсь завтра сдѣлать визитъ имъ. Прощайте, г. докторъ, до свиданія!

И, проговоривъ свою рѣчь съ головокружительной быстротой, онъ направился къ каютѣ капитана, махая рукой, затагнутой въ желтую перчатку, пока не исчезъ въ толпѣ.

Наконецъ путешественники благополучно выбрались съ парохода. Докторъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда всѣ четверо усѣлись въ коля-

ску и поѣхали по Джорджъ-стритъ. Онъ былъ непривычно веселъ и разговорчивъ. Но одна Розина поддерживала разговоръ. Мэри была слишкомъ поражена всѣмъ, что видѣла вокругъ. Прекрасныя залитыя солнцемъ улицы, роскошные парки, такъ не похожіе на лондонскіе, все восхищало ее.

Ея мать задумчиво откинулась вглубь коляски. Воспоминанія оживали въ ней при видѣ давно знакомыхъ мѣстъ.

Въ отелѣ, какъ оказалось, благодаря предупредительности м-ра Джонса, уже были заказаны комнаты, и скоро путешественники уютно устроились на твердой землѣ.

— Не прогуляться ли намъ по городу, м-ссъ Уигъ? Розина можетъ остаться и разобрать вещи. Вы будете проводникомъ.

Молодая женщина нерѣшительно согласилась на это предложеніе.

— Оставимъ Мэри дома, — сказала она. — Дѣвочка еще слаба, а на улицѣ жарко и пыльно.

— Какъ прикажете! — отвѣтилъ всегда любезный докторъ.

— Мнѣ такъ бы хотѣлось узнать мѣстность, въ которой вы раньше жили, — сказалъ онъ дорогой.

Она бросила на него подозрительный взглядъ, но видъ у доктора былъ такой невинный и спокойный, что молодая женщина, улыбаясь, спросила его:

— Когда? До свадьбы или послѣ?

— Понятно... до свадьбы! Мнѣ бы не хотѣлось въ первый же день пробуждать въ васъ печальныя воспоминанія.

— Воспоминанія эти ни печальны и ни веселы,—тихо отвѣтила она.—Непріятныя впечатлѣнія становятся прекрасными, прекрасныя теряютъ свою силу, чѣмъ дальше въ глубь воспоминаній уходятъ они, пока не сольются, какъ сливается свѣтъ двухъ звѣздъ въ безконечномъ пространствѣ. Пойдемъ наудачу, куда глаза глядятъ.

— Но гдѣ вы жили въ то время?

— Послѣ свадьбы мы жили въ другой сторонѣ города, въ южной его части, въ предмѣстьѣ Редфернъ, въ маленькомъ домикѣ, похожемъ на нашу виллу въ Лондонѣ. Только здѣсь было больше зелени, солнца, свѣта. Когда я была дѣвушкой, у меня не было своей квартиры, не хватало денегъ для найма. Я жила съ подругой въ меблированныхъ комнатахъ, окнами во дворъ, такихъ крошечныхъ, что въ нихъ еле помѣщались наши кровати.

— Такъ... такъ въ Редфернѣ! Если намъ, какъ я предполагаю, придется остаться нѣсколько времени въ Сиднеѣ, можно будетъ поселиться гдѣнибудь въ предмѣстьѣ. Тамъ жить пріятнѣе, чѣмъ въ шумномъ центрѣ. Неправда ли?

— По-моему это было бы хорошо, докторъ. Если только это не помѣшаетъ вашимъ заня-

тіямъ. Впрочемъ, сообщеніе съ Редферномъ очень удобное.

— И для Мэри лучше быть подальше отъ большого города, пока у нея не окрѣпнутъ нервы. Ей все еще нуженъ покой.

— Да, конечно. Она совершенно измѣнилась послѣ того припадка. Дѣйствіе его оказалось сильнѣе, чѣмъ предполагали вы и тотъ докторъ.

— Ну... видъ у нея здоровый и она весела!

— Это только наружно. Все ея существо измѣнилось. Вамъ можетъ быть, не видно, но я, какъ мать, чувствую это ежедневно.

— Чѣмъ же это выражается?

— Трудно описать. Вотъ вамъ примѣръ: вы сами знаете, какъ она была привязана къ своему отцу и какъ на нее подѣйствовала его смерть. И я знаю, что до послѣдняго времени она то-сковала по немъ такъ же сильно, какъ въ первые дни послѣ его смерти. Много разъ я находила ее въ слезахъ. И вдругъ все это сразу исчезло.

Докторъ недовѣрчиво улыбнулся.

— Повѣрьте мнѣ!—увѣренно проговорила м-ссъ Уигъ.—Дошло до того, что вечеромъ, въ день припадка, когда она еще немного бредила, она вдругъ закричала мнѣ, чтобы я взяла ее прочь отъ отца, что онъ хочетъ бить ее, что онъ гадкій, она боится его. И говорила она не тѣмъ страшнымъ, машинальнымъ тономъ, какъ утромъ на палубѣ, но живо, какъ ребенокъ во снѣ. Она скоро успокоилась.

— Отчего вы не позвали меня и доктора?— спросилъ м-ръ Шаркоттъ, останавливаясь посреди тротуара.

— Къ чему? Я уже сказала вамъ, что у нея была только легкая лихорадка, которая скоро прошла. Я говорю вамъ объ этомъ только, чтобъ доказать, что я права. У дѣвочки пропала всякая любовь къ отцу.

Докторъ продолжалъ стоять, какъ въ столбнякъ, пока какой-то прохожій не толкнулъ его такъ сильно, что онъ чуть не упалъ.

— Кажется, мои слова поразили васъ?— сказала м-ссъ Уигъ.

Докторъ немного опомнился. Толчокъ возвратилъ ему сознание. Они пошли дальше.

— Да!—утвердительно отвѣтилъ онъ.—Я очень удивленъ.

— Почему же?—И прежняя тревога прозвучала въ ея голосѣ.

Докторъ отвѣтилъ не сразу. Но, чувствуя устремленный на него пронизательный, полный вопроса взглядъ своей спутницы, онъ прошепталъ съ загадочной улыбкой:

— Можетъ быть, Мэри предупреждаетъ событія.

М-ссъ Уигъ съ недоумѣніемъ взглянула на него. Онъ прибавилъ:

— Ваша дочь внезапно почувствовала сильную симпатію ко мнѣ.

Теперь она поняла и быстро отвернулась, чтобы

скрыть предательскій румянецъ. Но это было совершенно напрасно: докторъ такъ испугался своей смѣлости и могущихъ произойти послѣдствій, что только и думалъ о томъ, какъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставила забота о сохраненіи тайны.

Съ присутствіемъ духа, совершенно несвойственнымъ его обыкновенной философской привычкѣ обдумывать всѣ доводы за и противъ, и съ утонченною любезностью, сдѣлавшею бы честь любому маркизу, онъ проговорилъ со смѣхомъ:

— Однако здѣсь, въ вашемъ Сиднеѣ, даже такіе закоренѣлые холостяки, какъ я, начинаютъ шутить! Но мы съ вами, м-ссъ Уигъ, уже старые друзья, и можемъ позволить себѣ это.

Она ничего не отвѣтила, остановилась передъ окномъ магазина и, казалось, внимательно разсматривала выставленныя тамъ вещи. Только когда докторъ спросилъ ее, не плѣнилась ли она выставленными папиросами, она замѣтила, что стоитъ передъ табачной лавочкой.

— Мнѣ что-то нехорошо, — прошептала она. Я уже отвыкла отъ такой жаркой солнечной погоды. Наймемъ кэбъ и вернемся въ отель.

У входа ихъ встрѣтилъ м-ръ Джонсъ.

— А! наконецъ-то, миледи, я имѣю честь лично познакомиться съ вами. Моя фамилія— Ф. В. Джонсъ, представитель фирмы Ф. Броунъ и Джонсъ. Сегодня очень пріятная погода, очень

пріятная. Надѣюсь, что ваша дочка здорова? Какъ вы находите Сидней? Прекрасный городъ, не правда ли, очень красивый? Да, да. О, сударыня, вы нездоровы? Какъ жаль, какъ жаль, эта проклятая жара! Прямо чертовская! Отвратительное гнѣздо этотъ Сидней! Извините, что я позволилъ себѣ выразиться такъ при дамѣ. Но эта жара заставляетъ вспоминать объ адѣ... хэ... хэ! Не правда ли, недурная острота, г. докторъ?

Къ счастью, въ эту минуту спустился лифтъ и молодая женщина, слегка поклонившись, избѣгла потока рѣчей услужливаго агента. Тогда онъ обратился къ доктору:

— Красивая дама, честное слово! Не будь я уже женатъ... ну, вы понимаете меня, хэ-хэ-хэ! Всегда былъ немного повѣсой. И теперь не могу совсѣмъ отстать. Да, что я хотѣлъ сказать: можетъ быть, вы желаете найти помѣщеніе? Сѣверъ, югъ, востокъ, западъ? Здѣсь можно имѣть все.

Докторъ Шаркоттъ желалъ найти небольшую квартиру... или, еще лучше, цѣлый домъ.

— Да... тогда намъ лучше всего отправиться въ какое-нибудь предмѣстье, многоуважаемый докторъ. Вѣдь вы не захотите нанять одинъ изъ большихъ дворцовъ, на Джоржъ-стритъ?

— Я хотѣлъ бы поѣхать въ Редфернъ.

— А! Вы, кажется, уже успѣли изучить городъ и его окрестности. Отлично: Редфернъ! очень миленькое мѣсто, удобное сообщеніе—идеть

вѣтвь отъ городской желѣзной дороги, хорошенькія виллы. Но обитатели не изъ знатныхъ, все больше мелкіе горожане. Очень спокойная и здоровая мѣстность. Редфернъ—очень хорошо! Такъ и сдѣлаемъ. Я устрою все самъ. Нѣтъ, любезный г. докторъ, вамъ не къ чему беспокоиться, положительно не къ чему!

Предупредительность агента не особенно нравилась доктору. М-ръ Джонсъ, очевидно, собирался пристать къ нему, какъ репейникъ, и Шаркоттъ отлично понималъ, что за этой съ виду пошлой болтовней скрывалась серьезная цѣль, что ею лишь маскировалась хитрость, съ которой нельзя было не считаться. М-ръ Джонсъ былъ извѣстенъ во всемъ Сиднеѣ, какъ одинъ изъ хитрѣйшихъ дѣльцовъ въ городѣ. Никто не довѣрялъ его шутивому добродушію, но онъ любилъ прикрываться имъ, и не знавшіе его люди иногда попадались на эту удочку.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и не только нашелъ виллу, но и позаботился объ обстановкѣ, до послѣднихъ мелочей на кухнѣ включительно. Онъ забросилъ свои дѣла такъ, что его партнеръ, м-ръ Броунъ, угрожалъ ему отставкой. Онъ далъ обѣщаніе правленію Кимберлійскаго общества помочь пріѣзжимъ и сдержалъ свое слово, несмотря ни на что.

Отвязаться отъ него не было никакой возможности.

Докторъ, со вздохомъ, предоставилъ ему во-

прось о наймѣ дома, но принялъ твердое рѣшеніе не допускать м-ра Джонса въ число друзей. Пусть его шпионитъ какъ угодно.

Въ концѣ концовъ приходилось стать въ хорошія или, по крайней мѣрѣ, сносныя отношенія съ этимъ агентомъ, который все же могъ быть ему полезенъ, хотя онъ же могъ—если бы пожелалъ—помѣшать всему предпріятію.

Когда онъ поднялся въ верхній этажъ, Розина сказала ему, что м-ссъ Уигъ ушла въ свою комнату и не велѣла никого допускать къ себѣ. Зато дочь ея подошла къ доктору.

— Нельзя ли мнѣ выйти погулять? Здѣсь, въ отелѣ, такъ пусто и скучно. А у мамы мигрень.

— Пойдемъ со мной, Мэри; я хочу прогуляться, но прежде я велю подать намъ по чашкѣ чая.

Онъ позвонилъ и заказалъ чай.

— Садись, Мэри, и расскажи мнѣ, какъ тебѣ нравится здѣсь. Правда, ты немного еще видѣла. Но, во всякомъ случаѣ, городъ этотъ нравится тебѣ больше Лондона, не правда ли?

— Да, мама столько рассказывала мнѣ о Сиднеѣ, что онъ кажется мнѣ знакомымъ.

— Вѣроятно, твоя мама умѣетъ хорошо описывать.

— Я никогда объ этомъ не думала, но, должно быть, умѣетъ. Я чувствую себя здѣсь, какъ дома; нѣтъ... не то что какъ дома, а только какъ будто я уже была здѣсь.

Она болтала весело и наивно. Въ глазахъ док-

тора отражалось внутреннее удовлетвореніе и гордость. Онъ поддерживалъ разговоръ на ту же тему, рассказывая дѣвочкѣ объ особенностяхъ австралійской жизни, о которыхъ онъ слышалъ отъ м-ссы Уигъ.

Медленно и осторожно, онъ снова старался подчинить душу дѣвочки своей волѣ. Когда они вышли на улицу, онъ взялъ ее за руку.

Онъ почувствовалъ, что дѣвочка снова въ его власти.

Заботливо велъ онъ ее среди толпы на улицѣ. Но, въ сущности, не онъ, а, наоборотъ, она вела его.

Живой дѣтскій интересъ, только что выказанный ею въ отелѣ и побуждавшій ее пови-
дѣть городъ, совершенно пропалъ.

Правда, она смотрѣла на большія зданія и немногочисленные памятники, на прохожихъ, экипажи, желѣзныя дороги, но безъ всякаго оживленія.

Мало-по-малу ею овладѣвала умственная уста-
лость, передававшаяся и ея движеніямъ.

Она перестала сознать окружающую ее дѣй-
ствительность.

Ея спутникъ замѣтилъ перемѣну въ дѣвочкѣ, но продолжалъ болтать довольно монотонно, избѣгая обращать ея вниманіе на кишѣвшую вокругъ нихъ жизнь.

Слабо, еле ощутимо, затѣмъ все сильнѣе и увѣреннѣе увлекала доктора Мэри изъ шум-

ныхъ главныхъ улицъ въ ближайшіе, тихіе переулки.

Хотя Шаркоттъ не зналъ Сиднея, но скоро замѣтилъ, что она идетъ въ опредѣленномъ направленіи, приблизительно къ сѣверо-востоку.

Онъ предоставилъ себя въ распоряженіе дѣвочки.

Дома и магазины становились меньше, невзрачнѣе. Очевидно, докторъ со своей спутницей находились въ кварталѣ, обитаемомъ бѣдными людьми, рабочими и т. п.

Посреди мостовой узкихъ, зловонныхъ улицъ грѣлись на солнцѣ собаки и полуголыя дѣти. У дверей домовъ стояли неряшливо одѣтыя женщины; онѣ болтали или торговались съ разносчиками и торговцами. Изъ харчевенъ доносился громкій шумъ; повременамъ пьяный, шатаясь, невѣрными шагами направлялся домой; иногда онъ шелъ на буксирѣ своей супруги, осыпавшей его громкими ругательствами.

Эта обратная сторона красиваго, богатаго города, казалось, нисколько не удивляла дѣвочку.

Пока докторъ осторожно оглядывался вокругъ, всматриваясь въ подозрительныя фигуры, стояшія на каждомъ углу улицы и слѣдившія за нимъ и его спутницей любопытными или угрожающими взглядами, Мэри спокойно шла рядомъ съ Шаркоттомъ, мечтательно устремивъ глаза вдаль, какъ послушное дитя, которое отецъ ведетъ за руку.

Мѣстность становилась все глуше. Они пересѣкли длинную, нѣсколько болѣе оживленную улицу, въ далекомъ концѣ которой открывался видъ на воду и суда.

Очевидно, они приближались къ гавани.

Дома замѣнились хижинами. На улицѣ появилось много черныхъ, коричневыхъ и желтыхъ людей. По ихъ виду ясно было, что въ этой части города они считали себя равноправными съ людьми бѣлой расы и всегда были готовы доказать на дѣлѣ это равенство.

Наконецъ они очутились на набережной, гдѣ стояло много парусныхъ и грузовыхъ судовъ.

Улицы приняла интернаціональный характеръ. Матросы и грузчики въ сопровожденіи публичныхъ женщинъ бродили отъ одного кабачка къ другому или предлагали привезенныя ими вещи хозяевамъ темныхъ маленькихъ лавочекъ, гдѣ продавались рѣдкости и птицы. Жирные китайцы стояли передъ дешевыми столовыми, откуда доносился непріятный запахъ.

Въ одномъ мѣстѣ оживленные зрители составили кругъ, среди котораго два рослыхъ негра занимались боксомъ, по всѣмъ правиламъ искусства, изъ-за неопрятной бѣлой женщины съ одутловатымъ отъ водки лицомъ.

Докторъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на эти сцены. Хорошо еще, что это было днемъ.

Но Мэри равнодушно продолжала идти среди этой отвратительной обстановки. Неувѣренность,

которую она выказывала сначала, совершенно исчезла. Теперь она, казалось, шла ближайшимъ путемъ къ хорошо извѣстной цѣли.

Внезапно они вышли изъ мрачнаго переулка на довольно большую площадь, посреди которой виднѣлась лужайка съ примятой травой, гдѣ росло нѣсколько большихъ тѣнистыхъ деревьевъ. Подъ деревьями находилось нѣсколько мужчинъ и женщинъ; нѣкоторые изъ нихъ спали, другіе пили, ругались или играли въ карты.

Казалось, то было мѣсто свиданій подонковъ города. Таверны вокругъ были переполнены, а нѣжныя парочки и компаніи молодыхъ оборванцевъ усѣлись даже по краямъ сточной канавы.

Мэри направилась прямо къ площади. Докторъ колебался. Она почувствовала его сопротивленіе, остановилась и въ первый разъ подняла на него глаза съ изумленнымъ, вопросительнымъ взглядомъ.

Въ это мгновеніе кто-то сильно толкнулъ доктора сзади.

— Чортъ васъ побери... Убирайтесь съ дороги!—крикнулъ пьяный голосъ.

Докторъ схватилъ дѣвочку и обернулся.

Передъ нимъ стоялъ громадный малый, очевидно, угольщикъ, такъ какъ слѣды его профессіи виднѣлись на всей его фигурѣ. Лицо у него было глупое, добродушное, но безуміе алкоголя горѣло въ его глазахъ.

— Чего вамъ тутъ нужно, молодчикъ?—про-

говорилъ онъ.—Хотите продать дѣвочку китайцамъ? Хорошенькая штучка! Ну, подѣлуй меня, милочка.

И онъ, шатаясь, подошелъ къ Мэри, которая со страхомъ прижалась къ доктору.

Докторъ ударилъ богатыря въ грудь такъ, что тотъ пошатнулся; потомъ, съ крикомъ, похожимъ на ревъ гиппопотама, пьяница, сжавъ волосатые кулаки, бросился на смѣлаго человѣка.

Докторъ проворно отпарировалъ ударъ и пьяный, потерявъ равновѣсіе, упалъ и растянулся во весь ростъ на травѣ.

Любители спорта уже собрались вокругъ боровшихся и сопровождали зрѣлище насмѣшливыми возгласами:

— Посмотри-ка, Дора! Вотъ такъ франтъ! Цилиндръ у него на головѣ новый, съ иголочки!

— Задай ему жару, Августъ!

— А у дѣвчонки-то лаковые башмаки и ажурные чулки! вскрикнула одна изъ молодыхъ женщинъ, очевидно, возмущенная подобной несправедливостью судьбы.

— Ну, и у тебя-то чулки ажурные! — крикнулъ подростокъ-бенгалецъ и оскалилъ зубы, показывая на двѣ большія дыры на ея чулкахъ.

Оскорбленная указаніемъ на столь интимныя тайны туалета, вся красная отъ гнѣва, она бросилась за юношей.

Зрители, все время науськивавшіе противниковъ другъ противъ друга, разразились громкимъ

смѣхомъ. Веселость ихъ еще больше увеличилась при видѣ бесплодныхъ усилій Голиаѳа. Несмотря на ругательства, отъ которыхъ волосы вставали дыбомъ, ему съ трудомъ удалось наконецъ подняться на колѣни.

Мэри заплакала. Доктору стало не по-себѣ, когда вся эта чернь начала все ближе обступать его. Онъ крѣпко схватилъ дѣвочку за руку и сталъ пробиваться черезъ плотное кольцо зрителей.

— Ну, чего вы прете? крикнула какая-то толстуха.— Не видите, что ли, что стоитъ дама?

— Задай ему хорошенько! — крикнулъ кто-то со стороны гавани.

— У него навѣрно найдется парочка-другая золотыхъ!

— И хорошенькіе часики.

— Вѣдь это онъ поднялъ весь шумъ!

— Знаете что, дѣтки?—проговорилъ могучій басъ.— Баринъ-то добрый и угоститъ насъ всѣхъ!

— Ура! Конечно! Давай виски! Сбѣгай-ка въ винную лавку! Раздались крики со всѣхъ сторонъ, и хотя докторъ сопротивлялся, его увлекли къ ближайшему кабачку.

Въ эту минуту изъ мелочный лавочки, покрытой китайскими рекламами, показалась высокая фигура индуса съ длинной черной бородой, въ бѣлой одеждѣ, съ тюрбаномъ на головѣ.

Онъ взглянулъ на стремившуюся впередъ толпу и вздрогнулъ въ испугѣ. Потомъ онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Полиція! Полиція!

Его крикъ подѣйствовалъ, какъ бомба. Одну секунду всѣ пристально смотрѣли по тому направленію, откуда раздалось предостереженіе, потомъ толпа раздалась и всѣ разбѣжались—кто по лавкамъ и харчевнямъ, кто въ прилегающія улицы. Въ мгновеніе ока площадь опустѣла; остались только докторъ съ рыдавшей Мэри!

Все произошло такъ быстро, что пораженный ученый беспомощно оглядывался во всѣ стороны, ничего не понимая. Въ это время съ набережной подѣхалъ пустой экипажъ, и докторъ съ облегченіемъ крикнулъ извозчика.

Но когда онъ обернулся въ сторону мелочной лавочки, индусъ уже исчезъ.

— Куда вамъ, баринъ?—спросилъ кучеръ.

Онъ далъ адресъ отеля и сѣлъ съ дѣвочкой въ экипажъ. Мэри была еще сильно взволнована и, дрожа, прижалась къ нему.

— Зачѣмъ мы пошли туда?—плача, говорила она,—тамъ живутъ страшные люди. А я-то думала, что въ Сиднеѣ все такъ хорошо и красиво.

Докторъ побѣдилъ овладѣвшую имъ слабость. Онъ взглянулъ на дѣвочку и увидѣлъ, что бурная сцена пробудила ее отъ легкаго транса. И онъ солгалъ:

— Ты права. Глупо мы сдѣлали, что пошли безъ проводника. Во всякомъ большомъ городѣ, особенно, гдѣ есть гавань—всегда бываютъ кварталы, въ родѣ этого. Слава Богу, что все обошлось

благополучно. Только не рассказывай матери о томъ, что съ нами случилось, Мэри! Она встревожится, а ей и безъ того нездоровится.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, я ничего не скажу ей, — обѣщала дѣвочка.

— Какъ называется площадь, на которой мы были? — спросилъ докторъ.

— Это Гаванская площадь, — отвѣтилъ возница и прибавилъ: — Скверное мѣсто, баринъ! Такъ и кишить бандитами, притонами для курильщиковъ опиума и еще того хуже.

— Да, это замѣтно, — сухо отвѣтилъ докторъ и обратился къ своей спутницѣ:

— Скажи, пожалуйста, видѣла ты того чело-
вѣка, который такъ громко крикнулъ: «Полиція!»

Она только покачала головой и отерла слезы.

— Я готовъ поклясться, — пробормоталъ онъ, — что это былъ женихъ Розины, желтолицый буфетчикъ съ «Гималайи». Ну, во всякомъ случаѣ, онъ оказалъ намъ хорошую услугу. Но...

И онъ погрузился въ глубокое раздумье, изъ котораго вышелъ только тогда, когда экипажъ остановился передъ отелемъ.

Онъ велѣлъ позвать свою экономку и передалъ ей дѣвочку.

— Скажи мамѣ, чтобы она извинила меня. Сегодня вечеромъ у меня дѣла въ городѣ.

— Пожалуйста, будьте осторожны, — прошептала дѣвочка, протягивая ему руку.

Онъ, улыбаясь, кивнулъ ей головой.

VI.

Нѣсколько минутъ спустя докторъ Шаркоттъ ѣхалъ къ дому, гдѣ помѣщалась фирма Ф. Броуна и Джонса.

Солнце уже было близко къ закату и большія торговыя конторы и банки начинали закрываться. Позднему посѣтителю объявили, что м-ръ Джонсъ «уже не принимаетъ» и только благодаря энергичному требованію его карточку передали въ контору.

Тогда доктора допустили въ святилище.

— Добрый вечеръ, г. докторъ, добрый вечеръ!— привѣтствовалъ его агентъ, уже переодѣвшійся, чтобы идти домой,—чѣмъ мы обязаны честью... позвольте вамъ представить: мой партнеръ, м-ръ Ф. Броунъ; м-ръ Шаркоттъ.

М-ръ Борунъ оторвался отъ бумагъ, неловко поклонился и не промолвилъ ни слова. Очевидно онъ своей молчаливостью возмѣщалъ недостатокъ своего партнера. Впрочемъ, м-ръ Джонсъ и не далъ бы ему возможности заговорить, такъ какъ быстро продолжалъ:

— Къ сожалѣнію, у меня только нѣсколько минутъ къ вашимъ услугамъ. У меня важное дѣловое свиданіе... дѣйствительно, дѣловое, а не... хэ... хэ... хэ! Но, насколько могу...

Докторъ нѣсколько нетерпѣливо перебилъ его:

— У меня также мало времени. Я хотѣлъ только просить васъ, не можете ли вы рекомен-

довать мнѣ частнаго сыщика, хорошо знакомаго съ городомъ. Если можно, я хотѣлъ бы переговорить съ нимъ сегодня же вечеромъ.

М-ръ Джонсъ сдѣлалъ изумленное лицо, и даже партнеръ его подвѣлъ голову и бросилъ на доктора короткій любопытный взглядъ.

— Сыщика, достоуважаемый, г. докторъ? Конечно, можно рекомендовать! Смитъ, Смитъ!—онъ подошелъ къ двери и распахнулъ ее.—Смитъ, телефонируйте сейчасъ же Джону Уолькеру; спросите его, свободенъ ли онъ сегодня вечеромъ. Но сейчасъ, понимаете, сейчасъ?—Отличный человекъ г. докторъ, превосходный. Знаетъ Сидней, какъ свой карманъ. Но что вамъ нужно отъ него? Можетъ быть, я могу помочь вамъ. Я самъ въ нѣкоторомъ родѣ сыщикъ... хи... хи... хи! Да вѣдь между нами и нѣтъ тайнъ.

Онъ пытливо взглянулъ на доктора, который раздраженно отвѣтилъ:

— Вы знаете мои намѣренія, но должны предоставить мнѣ идти своимъ путемъ. Въ Лондонѣ я поставилъ условіемъ, чтобы мнѣ не мѣшали...

— Но, любезный г. докторъ! — перебилъ его агентъ,—неужели вы могли хоть на секунду представить себѣ, что я стану мѣшать вамъ въ чемъ-либо. Я очень огорченъ... очень...

Его партнеръ, сидя на мѣстѣ, прервалъ потокъ словъ своего компаньона короткой фразой:

— Заткни глотку, Джонсъ!

Докторъ оглянулся съ изумленіемъ, но сказавшій

продолжалъ спокойно работать, какъ будто ничего не произошло. А тотъ, къ кому было обращено это замѣчаніе, казалось, не нашелъ въ немъ ничего необыкновеннаго и молча повиновался. Докторъ Шаркоттъ рѣшилъ, если возможно, вести всѣ дальнѣйшіе переговоры въ присутствіи старшаго партнера фирмы.

Вошелъ Смитъ и сказалъ, что м-ръ Уолькеръ будетъ дома въ десять часовъ. Сыщикъ жилъ недалеко, и докторъ, поспѣшно простившись съ компаньонами, поѣхалъ по данному адресу.

Вскорѣ онъ уже сидѣлъ у сыщика и, къ великому удовольствію, увидѣлъ передъ собою чловѣка мало разговорчиваго и быстро схватывавшаго положеніе дѣла. Сыщикъ обѣщалъ помочь ему.

Однако, докторъ не счелъ нужнымъ рассказать ему все. Онъ только слегка упомянулъ о цѣли своей поѣздки и затѣмъ перешелъ къ настоящей причинѣ своего визита. Онъ рассказалъ свое сегодняшнее приключеніе и просилъ дать ему свѣдѣнія объ этомъ кварталѣ и его обитателяхъ.

Сыщикъ многозначительно пожалъ плечами.

— Такой кварталъ бываетъ въ каждомъ приморскомъ городѣ,—сказалъ онъ.—Харчевни, публичные дома, притоны для курильщиковъ опиума и тому подобныя учрежденія, не особенно любящія дневной свѣтъ.

— Меня болѣе всего тревожитъ то обстоятельство, что я видѣлъ тамъ этого буфетчика. Не довѣряю я этому малому, особенно послѣ сего-

дняшняго случая. Онъ что-то замышляетъ противъ меня.

— Трудно будетъ что-нибудь разузнать, г. докторъ. До этихъ азіатовъ мудрено добратся. У нихъ свои шайки, мало или вовсе неизвѣстныя бѣлымъ полицейскимъ. Трудно даже установить ихъ личность. Къ тому же всѣ желтолицыя держатся вмѣстѣ и рѣдко выдаютъ другъ друга. Поймать такого человѣка, какъ этотъ буфетчикъ—предпріятіе почти безнадежное.

— Но вѣдь можете же вы узнать, поѣдетъ онъ назадъ на «Гималайи» или уже оставилъ свое мѣсто на пароходѣ—короче говоря, остается онъ здѣсь или нѣтъ. Понятно, причину принятаго имъ рѣшенія узнать будетъ трудно.

— Конечно, я могу это сдѣлать. Но...

Уолькеръ поднялся и нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ онъ остановился передъ докторомъ.

— М-ръ Шаркоттъ, — улыбаясь, проговорилъ онъ, — бросимъ игру въ жмурки. Это не въ моемъ вкусѣ. Вы можете довѣриться мнѣ вполне, такъ какъ мнѣ нѣсколько извѣстны причины и цѣль вашего путешествія. Я получилъ инструкціи и изъ Лондона и отъ здѣшнихъ агентовъ; работа пойдетъ гораздо легче и вѣрнѣе, если мы будемъ откровенны другъ съ другомъ.

— Чортъ возьми! Кому же еще извѣстны мои планы?

— Больше никому. Могу вамъ сказать, что и

агенты имѣютъ только частичныя свѣдѣнія и имъ, какъ и мнѣ, недостаетъ цѣлаго ряда подробностей. Но для меня ясно, что я могъ бы быть очень полезенъ вамъ, понятно, не вмѣшиваясь въ вашу личную работу, чего я и не хочу и не могу дѣлать.

— Почему...

— Я постараюсь выяснитъ вамъ, въ чемъ дѣло. Видите, я также заинтересованъ въ успѣшномъ исходѣ вашихъ поисковъ. И не только потому, что изъ Лондона мнѣ обѣщано значительное денежное вознагражденіе, но и потому, что это будетъ имѣть вліяніе на мою репутацію. Но члены Кимберлейскаго общества осторожны, слишкомъ осторожны и никому не оказываютъ полного довѣрія. Они рассчитываютъ, что они и мы будемъ взаимно наблюдать другъ за другомъ и контролировать другъ друга, но забываютъ при этомъ, что подобнаго рода игра на два фронта должна, по всѣмъ вѣроятіямъ, потерпѣть неудачу. Итакъ, если вы желаете, я готовъ раздѣлить съ вами работу... Всякому свое.

— А агенты?

— Агентовъ мы будемъ держать вдаль, насколько возможно. Я думаю, что они только помѣшали бы намъ.

— Ну, я и такъ не намѣревался имѣть много дѣла съ этимъ Джонсомъ. Не нравится онъ мнѣ. Я надѣялся вести розыски одинъ, но теперь вижу, что нуждаюсь въ поддержкѣ, по крайней мѣрѣ,

въ извѣстномъ направленіи. И, конечно, вы могли бы помочь мнѣ, когда...

— Мои бумаги и т. п. въ вашемъ распоряженіи,—поспѣшно перебилъ его Уолькеръ,—я довольно извѣстенъ въ Сиднеѣ. Но такого прекраснаго случая у меня не было за все время моей двадцатилѣтней практики.

Докторъ пытливо заглянулъ въ глаза сыщика. Безспорно, онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и интеллигентнаго человѣка; линіи рта указывали на желѣзную силу воли, а вся его мускулистая, хорошо сложенная фигура носила отпечатокъ энергіи и смѣлости. Докторъ быстро принялъ рѣшеніе и сказалъ, протягивая руку:

— По рукамъ! А теперь за дѣло!

Была почти полночь, когда онъ вышелъ отъ м-ра Уолькера и направился въ свой отель. Онъ былъ доволенъ результатомъ разговора. Онъ чувствовалъ, что какъ бы освободился отъ части своихъ заботъ, и именно тѣхъ, которыя больше всего угнетали его и съ которыми онъ меньше всего могъ бороться. Теперь онъ могъ вполнѣ отдаться научной сторонѣ опыта и предоставить разрѣшеніе вѣшнихъ затрудненій человѣку, которому легче было съ ними справиться уже по самой его профессіи.

Къ отелѣ всѣ уже спали. Докторъ чувствовалъ себя смертельно усталымъ послѣ всѣхъ этихъ столь многочисленныхъ событій перваго дня.

На слѣдующее утро м-съ Уигъ поздно вышла

къ завтраку; она, видимо, провела плохую ночь; но старалась казаться оживленной и веселой.

— Вы гуляли вчера съ Мэри? спросила она.

— Да, довольно далеко. Догаванскаго квартала.

— До гаванскаго квартала? Ты мнѣ этого не сказала, Мэри?

Дѣвочка покраснѣла и смущенно взглянула на доктора. Мать слѣдила за ея взглядомъ; чашка, которую она подносила ко рту, внезапно съ шумомъ упала на полъ.

— Что съ вами, м-ссъ Уигъ?

— Ничего, ничего! Мнѣ все еще нездоровится! Я... не слѣдуетъ водить ребенка въ такія опасныя части города. Я по старой памяти знаю, что тамъ собирается отребье населенія.

— Вы правы. Я самъ сожалью объ этомъ. Мнѣ можетъ служить извиненіемъ только то, что я не зналъ объ этомъ. Но за преступленіемъ послѣдовало немедленно и наказаніе.

— Что такое?

— Я просилъ Мэри ничего не говорить вамъ, чтобъ не пугать васъ. Но теперь можно покаяться... не правда ли, Мэри?

И онъ рассказалъ все, что случилось съ ними наканунѣ, стараясь придать происшествію какъ можно меньше значенія. Но, несмотря на это, м-ссъ Уигъ сильно встревожилась.

— Гдѣ это было?.. Какъ названіе площади?— спросила она, задыхаясь.

— Кажется — Гаванская. Но вѣдь все окон-

чилось благополучно и вамъ нечего беспокоиться.

Однако, м-ссь Уигъ была, очевидно, сильно испугана. Ея побѣлѣвшія губы подергивались, а въ широко раскрытыхъ глазахъ виднѣлось то выраженіе непонятнаго страха, которое уже раньше такъ поразило доктора. Она молчала и, несмотря на всѣ увѣщанія, не дотронулась больше до завтрака.

— Надѣюсь, мы скоро можемъ переѣхать въ Редфернъ. М-ръ Джонсъ присматриваетъ намъ уже тамъ помѣщеніе, — проговорилъ докторъ, пробуя оживить разговоръ. Ты вѣдь жила раньше въ Редфернѣ, Мэри? — шутливо прибавилъ онъ.

— Когда?... Я не знаю, не помню.

— Еще бы. Ты была тогда совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ. Но спроси маму.

Мать ничего не отвѣтила. Она нерѣшительно поднялась изъ-за стола и попробовала пробормотать какое-то извиненіе, но не могла выговорить ни слова. Докторъ вскочилъ съ мѣста и предложилъ ей руку. Она не приняла ее, кивнула дочери, которая хотѣла пойти за нею, чтобы та осталась, и медленно вышла изъ комнаты.

— Мама теперь почти всегда больна, — жалобно проговорила Мэри. Мнѣ бы хотѣлось знать, что съ ней такое?

— Вѣроятно, это усталость отъ морского путешествія, — утѣшалъ дѣвочку докторъ, — а затѣмъ, понятно, ее взволновало возвращеніе въ страну,

гдѣ она провела дѣтство. Дѣло вовсе ужъ не такъ плохо, дѣточка. Денька два этой чудной погоды — и она поправится. Только бы намъ уѣхать отъ суматохи города и скорѣе перебраться въ маленькій домикъ въ предмѣстьѣ, гдѣ много зелени! Рада ты будешь, Мэри?

Дѣвочка уже забыла свои тревоги и весело захлопала въ ладоши при этой прекрасной перспективѣ.

На слѣдующій же день агенты компаніи нашли въ Редфернѣ восхитительную маленькую виллу, совершенно меблированную, которую можно было сейчасъ же нанять. Владѣлецъ виллы путешествовалъ по Европѣ и плата за наемъ была дешевая.

М-съ Уигъ словно внезапно выздоровѣла, когда услышала объ этомъ. Докторъ охотно остался бы еще дня на два въ отелѣ въ надеждѣ напасть на слѣдъ буфетчика, но невольно поддался настойчивымъ просьбамъ матери и дочери. Переѣздъ былъ рѣшенъ послѣ того, какъ бѣглый обзоръ убѣдилъ доктора, что дѣйствительныя достоинства виллы соответствовали описаніямъ агента — по крайней мѣрѣ, насколько можно было ожидать.

Большинство сундуковъ еще не было распаковано и потому переѣздка не представляла особыхъ затрудненій. Докторъ Шаркоттъ, однако, недовѣрчиво смотрѣлъ на чудовищныхъ размѣровъ сундуки, которыми нагружали фуры, и отъ

души обрадовался, когда въ полдень пришелъ м-ръ Уолькеръ и пригласилъ его прогуляться.

— Идите спокойно, г. докторъ, совершенно спокойно!—сказалъ м-ръ Джонсъ. Все будетъ въ порядкѣ... все. Я нанялъ людей, и дамы могутъ на меня положиться. А хорошо вѣдь, когда есть на кого положиться, хэ... хэ! Неправда ли, миледи?

— Да, да, идите, милый докторъ,—прибавила м-ссъ Уигъ. Вы только мѣшаете при уборкѣ,—продолжала она съ веселой улыбкой. Но оставьте Мэри. Она нужна мнѣ.

И снова на ея лицѣ промелькнуло недовѣрчивое выраженіе затравленнаго звѣрка, совершенно необъяснимое для доктора.

— Вы, можетъ быть, вообще не желаете, чтобы я былъ въ Редфернѣ?—спросилъ онъ.

— Да нѣтъ же, конечно,—поспѣшно пробормотала она и отвернулась, покраснѣвъ.

Онъ засмѣялся.

— Ну, такъ до свиданія, сегодня вечеромъ!

И онъ пошелъ съ сыщикомъ по направленію къ гавани.

— Куда мы идемъ, м-ръ Уолькеръ?

— Къ Гаванской площади. Туда, гдѣ у васъ была непріятная встрѣча съ этими бродягами. Вы должны указать мнѣ домъ, въ дверяхъ котораго стоялъ индусъ-буфетчикъ.

— И...

— И мы обыщемъ домъ.

— Но вѣдь это было два дня тому назадъ. Не остается же онъ тамъ все время?

Сыщикъ только пожалъ плечами.

— Какъ знать! Дома въ той мѣстности только снаружи имѣютъ видъ мелочныхъ лавокъ и питейныхъ заведеній. За этими вывѣсками скрывается весь сбродъ, боящійся дневного свѣта. Но и между этими людьми существуетъ расовая ненависть и кастовое различіе, и азіаты не всегда принимаются въ ряды бѣлыхъ преступниковъ высшаго полета. У нихъ свои обычныя мѣста, въ которыхъ они всегда ищутъ убѣжища, чтобы быть между своими. И если ваше подозрѣніе оправдается, и этотъ буфетчикъ дѣйствительно принадлежитъ къ тому тайному обществу, то можно предполагать, что онъ имѣетъ постоянныя сношенія со своими соумышленниками. Въ лавкахъ и тавернахъ азіаты появляются рѣдко. Конечно, я не могу утверждать, чтобы этотъ Нурри выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ именно Гаванскую площадь, но все же тамъ можно напасть на его слѣдъ. Отъ мѣста на «Гималайи» онъ отказался.

— Ага! Я такъ и думалъ. Значитъ, намъ нужно найти его, м-ръ Уолькеръ... слышите, нужно непременно!

— Попробуемъ,—коротко отвѣтилъ сыщикъ.

Они молча шли среди толкотни на улицахъ Гаванскаго квартала. Докторъ Шаркотъ замѣтилъ, какъ увѣренно шелъ сыщикъ по лаби-

ринту зловонныхъ улицъ; замѣтилъ и то, что онъ слѣдовалъ почти по тому же пути, по которому два дня назадъ шла Мэри. И онъ впалъ въ глубокое раздумье, нарушенное словами его спутника:

— Вотъ мы и пришли.

Докторъ оглядѣлся кругомъ. Да, это была та самая площадь. На ней расположились тѣ же люди и занимались, какъ и тогда, игрой въ карты. Онъ окинулъ взглядомъ всю мѣстность и указалъ дверь, у которой стоялъ тогда индусъ.

У сыщика вырвался короткое, тихое восклицаніе изумленія.

— А вы не ошибаетесь?

— Навѣрное, нѣтъ! А что?

— Да это одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ притоновъ курильщиковъ опиума и преступниковъ на всемъ континентѣ. Много разъ пробовали накрыть участниковъ на мѣстѣ преступленія, но всегда дѣло оканчивалось только штрафомъ. Такъ и остался этотъ притонъ; мы предпочитаемъ знать, гдѣ собираются эти молодчики, чѣмъ разыскивать ихъ по всѣмъ угламъ, куда ихъ носить вѣтеръ. Итакъ, идемъ!

— Вы хотите войти туда?

— Само собой разумѣется. Идите спокойно. Съ нами ничего не случится. Хозяинъ слишкомъ остороженъ, чтобъ причинить намъ какой-нибудь вредъ. Вѣдь онъ не знаетъ, нѣтъ ли у насъ за спиной переодѣтыхъ помощниковъ.

Сыщикъ взялъ подъ руку своего спутника и пошелъ прямо къ низенькимъ, темнымъ мелочнымъ лавкамъ. На жалкихъ окнахъ были выставлены покрытые пылью, пожелтѣвшіе товары съ помѣченными по-китайски цѣнами. Съ улицы ничего нельзя было разглядѣть: такъ темно было внутри. Докторъ чуть не отшатнулся отъ смѣшаннаго запаха опиума, грязи и азиатской кухни, который вырывался изъ открытой низенькой двери. Но спутникъ ободряюще пожалъ ему руку и докторъ самоотверженно вошелъ съ нимъ въ тѣсную лавку и остановился между прилавками, чтобы дать глазамъ привыкнуть къ темнотѣ.

Лежавшіе на полкахъ, выставленные на показъ товары были также покрыты густымъ слоемъ пыли. Очевидно, дѣла мелочной лавочки шли вовсе не такъ блестяще, какъ можно было судить по довольному, упитанному виду ея владѣльца.

Хозяинъ-китаецъ довольно хорошо говорилъ по-англійски. Онъ былъ въ національной одеждѣ, съ косою на затылкѣ. И его круглое лицо такъ и лоснилось отъ жира и благодушія. Съ виду онъ не былъ въ состояніи обидѣть и мухи; когда онъ съ улыбкой взглянулъ изъ-за прилавка на вошедшихъ, казалось, луна выглянула изъ-за развалинъ башни. Только маленькіе свинные глазки вспыхивали иногда хитрымъ огнемъ. Звали его А-Синъ.

— Ну... вы не очень обрадовались мнѣ, А-Синъ,—сказалъ Уолькеръ.

Ни одинъ мускулъ толстаго лица не дрогнулъ.

— Чего же мнѣ радоваться, когда бѣлая полиція преслѣдуетъ и обижаетъ бѣднаго трудящагося купца...

— Да, да; знаемъ мы этотъ трудъ.

— ...который только что потерялъ жену!—спокойно и равнодушно продолжалъ китаецъ.

— Какъ? Анни Хольтъ сбѣжала?—съ изумленіемъ спросилъ сыщикъ.

— Ее похитили у меня.

— Кто же?

— Почемъ я знаю.

— Но развѣ вы никого не подозрѣваете?

— Конечно, подозрѣваю. Бывалъ тутъ дня три подрядъ какой-то малый, не то сейкъ, не то бенгалець—каналю зовутъ Нурри-Сингъ—онъ-то и сбѣжалъ вмѣстѣ съ ней вчера ночью.

Въ одной изъ заднихъ комнатъ, отдѣленной отъ лавки полуоткрытой дверью и холщевой занавѣсью, поднялся вдругъ страшный шумъ и споръ. А-Синъ бросился туда водворять порядокъ, такъ какъ вообще не былъ охотникъ до дракъ. Онѣ мѣшали дѣлу, только привлекая полицію.

Едва онъ исчезъ, Уолькеръ поспѣшно обернулся къ доктору и шепнулъ:

— Видите: вотъ мы уже и попали на слѣдъ. Но предоставьте все мнѣ. Я знаю этихъ косоглазыхъ плутовъ и ихъ штуки. Можетъ быть, онъ лжетъ.

— Зачѣмъ ему лгать?

— Разныя могутъ быть причины. Хотя бы для того, чтобъ покрыть индуса.

— А что за женщина эта Анни?

— Публичная женщина, французенка; она нѣсколько лѣтъ жила у стараго китайца. Она совершенно опустилась и физически и нравственно, и, я думаю, старый плуть очень радъ, что она сбѣжала.

— Но зачѣмъ она понадобилась этому буфетчику?

— Можетъ быть, она убѣжала за нимъ противъ его воли... т. е. если она, вообще, сбѣжала. Но идемъ, убѣдимся лично.

Сыщикъ увлекъ за собой доктора и вошелъ съ нимъ въ заднюю комнату. Приторный, сладкій запахъ опиума охватилъ ихъ при входѣ. Комната была больше лавки; вокругъ стѣнъ шли невысокія нары; на нихъ виднѣлись темныя фигуры—однѣ погруженныя въ глубокій сонъ, другія курившія трубки. Мебели вовсе не было; маленькія лампочки, на которыхъ курильщики раскуривали трубки, слабо освѣщали комнату.

Тутъ царилъ почти полная тишина. Каждый былъ занятъ только собой. Шумъ въ отдаленной комнатѣ перешелъ въ возбужденный шопоть.

Тамъ, съ помощью разорванной старой ситцевой занавѣски, было устроено нѣсколько аль-

кововъ, въ которыхъ двое азіатовъ, одѣтыхъ по-европейски, предавались наслажденію ужаснымъ наркотическимъ веществомъ въ компаніи двухъ или трехъ бѣлыхъ женщинъ поразительно отталкивающего вида. Порокъ наложилъ свои глубокіе слѣды на ихъ еще молодыя лица. Ихъ мутные глаза блуждали, показывая, что онѣ только что пробудились отъ опьяненія. Одна изъ нихъ, очевидно, была жена молодого малайца, который стоялъ передъ ней, сильно жестикулируя, видимо стараясь увести ее изъ притона, къ великому гнѣву ея подругъ. Остальная публика не обращала никакого вниманія на отвратительную сцену. Дѣло было привычное. Сердился только хозяинъ. Когда онъ пригрозилъ, что никогда больше не впустилъ ихъ въ свое помѣщеніе, они наконецъ рѣшились уйти.

Словно живые трупы, шли онѣ къ выходу; ихъ платья и волосы были въ полномъ беспорядкѣ, взглядъ безмысленъ, щеки ввалились, губы посинѣли. За ними маршировалъ малаецъ, наглядно показывая окружающимъ, что ожидало дома его жену.

Сыщикъ между тѣмъ вглядывался въ остальныхъ гостей, а затѣмъ вошелъ въ находившееся въ сторонѣ частное помѣщеніе А-Сина, но и тамъ не нашелъ ничего подозрительнаго. Тогда онъ снова приступилъ къ допросу жирнаго китайца.

— Слушайте, А-Синъ, сегодня мнѣ ничего не нужно ни отъ васъ, ни отъ вашего притона.

Но я ищу кое-кого — того индуса, о котором вы говорили. Помогите мнѣ найти его и увидите, что я не останусь въ долгу передъ вами. Вѣдь вы же не думаете, что я повѣрю вашимъ рассказамъ о похищеніи Анни.

— М-ръ Уолькеръ! — простоналъ китаецъ съ выраженіемъ такой оскорбленной невинности, что тотъ невольно расхохотался.

— Ну, кто сбѣжитъ съ Анни? Ужъ никакъ не такой красивый молодой человѣкъ.

Докторъ Шаркоттъ подумалъ о своей бѣдной Розинѣ, о ея приключеніи и тоже улыбнулся. Китаецъ началъ доказывать справедливость своихъ словъ съ головокружительнымъ краснорѣчіемъ, призывая въ свидѣтели то христіанскихъ святыхъ, то своихъ боговъ.

— Я не могу обойтись безъ Анни въ дѣлахъ, — клялся онъ плаксивымъ голосомъ. Для меня она была дороже всѣхъ цвѣтовъ лотоса, всѣхъ гурій пророка. И клянусь богомъ христіанъ, что говорю правду!

Патетическимъ жестомъ онъ поднялъ къ небу обѣ руки, и широкіе рукава его неопрятной шелковой блузы обнажили ихъ до предплечія. Сыщикъ вздрогнулъ и затѣмъ крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Ты лжешь, собака! Ты заодно съ Нурри-Сингъ. Я знаю это и положу конецъ твоимъ продѣлкамъ!

Онъ схватилъ китайца за кисть руки и принудилъ встать на колѣни.

— Видите вы знакъ черной руки, г. докторъ?—обратился онъ къ своему спутнику.

— Боже мой, да! Очень ясно.

При этихъ словахъ мертвенная блѣдность проступила сквозь грязно-желтую, жирную кожу китайца.

Онъ отказался отъ всякаго сопротивленія, ноги у него подкосились. Но только на одно мгновеніе. Потомъ онъ овладѣлъ собою и поднялся со всѣмъ достоинствомъ, на какое былъ способенъ.

— Чего вамъ отъ меня нужно?—упрямо проговорилъ онъ.—Я только невинный купецъ. Я не нарушалъ закона. Что вамъ здѣсь нужно?

Вмѣсто всякаго отвѣта сыщикъ схватилъ китайца за шиворотъ, втолкнулъ его въ потайную комнату, удивительно комфортабельно обставленную, и кивнулъ доктору, чтобы тотъ тоже последовалъ за нимъ. Никто изъ курильщиковъ не обратилъ вниманія на это приключеніе, а тотъ, надъ кѣмъ произвели насиліе, счелъ благо-разумнымъ не подымать слишкомъ большого шума изъ-за недостойнаго обхожденія съ столь почтеннымъ купцомъ.

— А-Синь! — внушительно началъ сыщикъ, предварительно убѣдясь, что они одни,—А-Синь, ты человѣкъ умный и можешь мирно окончить свою жизнь землевладѣльцемъ въ Китаѣ. Ну,

такъ вотъ,—на этотъ разъ ты попалъ между двухъ огней. Съ одной стороны «Черная рука» угрожаетъ тебѣ смертью въ случаѣ измѣны; съ другой стороны бѣлая полиція знаетъ достаточно о каждомъ членѣ этого миленькаго сообщества, чтобы приговорить тебя къ пожизненному заключенію, а не то и къ веревкѣ. Не правда ли, положеніе твое довольно-таки затруднительно?

А-Синъ оскалилъ зубы и упрямо молчалъ.

— Скоро перестанешь смѣяться, мой милый,— продолжалъ сыщикъ...—Но...

Онъ сдѣлалъ выразительную паузу. Китаецъ сидѣлъ неподвижно.

— Но есть выходъ... благодаря мнѣ, А-Синъ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ тебя упрятали по заслугамъ. Видишь, я говорю съ тобой по чести. И вотъ я предлагаю тебѣ договоръ: ты поможешь мнѣ добраться до этого индуса, Нурри-Синга, а я даю тебѣ слово не выдавать тебя ни той, ни другой сторонѣ. Согласенъ?

— Я ничего не знаю, м-ръ Уолькеръ,—жалобно проговорилъ китаецъ и на его, за минуту неподвижномъ, лицѣ, появилось выраженіе искренняго горя,—право, я положительно ничего не знаю объ этомъ маломъ. Кромѣ того... кромѣ того, что онъ хотѣлъ отнять у меня жену...

— Ага! Это все же кое-что. И ты продалъ ее ему?

— Ему такъ хотѣлось имѣть ее. А она такъ его любила.

— Весьма вѣроятно. Ну, гдѣ же находится теперь Нурри-Сингъ?

— Не знаю. Онъ хотѣлъ отправиться прямо вглубь страны, черезъ Синія горы, въ Батурстъ.

— Въ Батурстъ? Ты лжешь, А-Синъ!

— Я не лгу. О, м-ръ Уолькеръ, не выдавайте меня, не говорите такъ громко! У этихъ стѣнъ очень хорошія уши.

— Что же ему тамъ нужно?

— Не знаю, м-ръ Уолькеръ.

— А-Синъ... вспомни наше условіе!

— Я не могу говорить здѣсь. Я... я приду сегодня вечеромъ около девяти часовъ въ таверну А-Фанъ-Ли. Но вы должны придти передѣтымъ.

— А... ты боишься своихъ черныхъ господъ товарищей. А если ты меня надуешь? Улизнешь?

— Какъ я могу. Я слишкомъ извѣстенъ здѣсь. Къ тому же у меня дѣло... и... и...

— И деньги на текущемъ счету въ банкѣ... слава Богу. И такъ хорошо, сегодня вечеромъ въ девять часовъ у А-Фанъ-Ли или... ты знаешь?

Дверь быстро распахнулась и въ комнату вбѣжалъ оборванецъ.

Докторъ испугался, но сыщикъ спокойно обратился къ вошедшему:

— Что случилось, Пуртель?

— Мнѣ только что телеграфировали изъ бюро,

м-ръ Уолькеръ,—поспѣшно проговорилъ оборванецъ и шепнулъ что-то на ухо сыщику.

— Боже мой!—вполголоса вскрикнулъ тотъ и озабоченно взглянулъ на доктора. Потомъ онъ, въ свою очередь, шепнулъ что-то оборванцу и тотъ убѣжалъ.

М-ръ Уолькеръ стоялъ погруженный въ раздумье; потомъ онъ снова обернулся къ китайцу, напомнилъ ему, что тайная полиція будетъ зорко слѣдить за нимъ и посовѣтовалъ ему придти на свиданіе, затѣмъ онъ взялъ доктора за руку и поспѣшно вывелъ его изъ душной комнаты на свѣжій воздухъ.

На улицѣ ихъ дожидался экипажъ. Они сѣли; сыщикъ далъ кучеру на чай и назвалъ адресъ:
— Редфернъ... Улица Вилліамъ, 17.

Карета покатила. Тогда только докторъ съ изумленіемъ проговорилъ:

— Въ Редфернъ?.. Зачѣмъ?

Сыщикъ смутился на одно мгновеніе, потомъ положилъ руку на колѣно доктора и сказалъ:

— Соберитесь съ духомъ, любезный г. докторъ! Мэри Уигъ похитили!

VII.

Вилла въ Редфернѣ, которую снялъ м-ръ Джонсъ, была дѣйствительно восхитительна. Обнесенная густой изгородью изъ боярышника, она стояла среди осыпанныхъ красными цвѣтами деревьевъ

и душистыхъ клумбъ. И внутренность ея соотвѣтствовала тому, что рассказывали о ней агенты. Не хватало только порядка. Повсюду виднѣлась пыль; мебель стояла въ отвратительныхъ чехлахъ, ковры лежали свернутыми въ углахъ комнатъ, а въ гостиной среди массы ящиковъ и сундуковъ сидѣли м-съ Уигъ и Розина и плакали.

Когда экипажъ съ прѣзжими остановился у виллы, ихъ встрѣтилъ м-ръ Джонсъ. Его присутствіе спасло м-съ Уигъ отъ полного отчаянія; какъ истый кавалеръ, онъ остался помогать ей, несмотря на важныя дѣла, призывавшія его, и на грубыя требованія его взбѣшеннаго партнера, передававшіяся по телефону. Онъ же далъ знать объ исчезновеніи Мэри въ бюро и м-ру Уолькеру. Когда онъ увидѣлъ доктора Шаркотта, то вздохнулъ съ облегченіемъ и повелъ его и Уолькера на веранду, гдѣ была приготовлена бутылка виски и стаканы.

— Прежде всего выпейте глотокъ, хорошенькій глотокъ, господа; совѣтую вамъ. Я знатокъ... хэ... хэ.. хэ! Знатокъ женщинъ и виски! Это васъ успокоитъ. Мнѣ припоминается одна чудесная исторія, случившаяся со мной...

— Однако, м-ръ Джонсъ! перебилъ его сыщикъ.—Вѣдь мы не въ клубѣ. Расскажите же...

— Ахъ, да, да! Конечно! Само собой разумѣется! Я слегка уклоняюсь въ сторону... хэ... хэ... хэ! Итакъ, слушайте!

М-ръ Джонсъ наморщилъ лобъ и заговорилъ серьезно.

Изъ его разказа выяснилось, что онъ отправилъ кладъ со своими людьми; послѣ завтрака Розина съ Мэри отправились въ экипажѣ въ Редфернъ, а м-съ Уигъ, въ сопровожденіи агента, сдѣлала въ городѣ еще нѣсколько необходимыхъ покупокъ.

Когда она, черезъ часъ, пріѣхала на виллу—несчастіе уже совершилось. Перевозчики рассказывали, что дѣвочка стояла у калитки сада и смотрѣла, какъ переносили вещи. Вдругъ подъѣхала карета и остановилась на другой сторонѣ улицы. Изъ кареты вышла дама подъ густой вуалью, заговорила съ дѣвочкой и пошла съ ней по улицѣ; карета медленно поѣхала за ними. Перевозчики не обратили на это никакого вниманія, такъ какъ думали, что пріѣхала какая-нибудь знакомая хозяйки. Когда они, отнеся въ домъ сундукъ, вернулись на улицу, тамъ уже не было ни кареты, ни дѣвочки.

— А гдѣ же была Розина?—перебилъ докторъ, въ волненіи расхаживавшій взадъ и впередъ по верандѣ.

— Она, какъ рассказываютъ перевозчики, стояла въ это время какъ разъ у забора въ задней части сада и разговаривала съ какимъ-то индусомъ или сингалезцемъ. Но я могу...

Докторъ Шаркоттъ не сталъ слушать дальше. Съ бѣшенымъ крикомъ онъ бросился въ домъ.

Остальные смущенно послѣдовали за нимъ. Странное зрѣлище представилось имъ, когда они вошли въ гостиную вслѣдъ за ученымъ, обыкновенно спокойнымъ, а теперь издававшимъ звуки, похожіе на ревъ дикаго звѣря.

На сундукѣ, стоявшемъ среди множества разбросанныхъ вещей, возсѣдала м-съ Уигъ, держа въ рукахъ мокрый платокъ. Она оглядывалась кругомъ испуганными, заплаканными глазами. А вокругъ ящиковъ и сундуковъ, съ поразительной для ея возраста быстротой, съ громкими криками бѣгала миссъ Феканъ, за которой гонялся съ сжатыми кулаками докторъ Шаркоттъ. Послѣ каждыхъ двухъ круговъ въ одну сторону докторъ, убѣдясь въ бесплодности своего преслѣдованія, поворачивалъ въ другую. Но Розина съ быстротой молніи также измѣняла направленіе, и карусель продолжалась.

Внезапно докторъ рѣшился на смѣлый шагъ и вскочилъ на груды сундуковъ, чтобы преградить отступленіе врагу. Но отъ излишняго усердія онъ поскользнулся и ударился ногой объ острый уголъ ящика. Онъ упалъ и, держа раненую ногу обѣими руками, крикнулъ зрителямъ:

— Хватайте ее! Схватите старуху и, если возможно, повѣсьте ее поскорѣе. Убейте стуломъ эту сумасшедшую старуху! Утопите ее и ея возлюбленнаго въ бочкѣ съ дождевой водой!

Розина, дрожа, стояла въ углу, каждое мгно-

веніе ожидая новаго нападенія. М-ру Уолькеру съ трудомъ удалось наконецъ успокоить доктора.

Тогда только м-ссъ Уигъ собралась съ силами и заговорила. Она сошла со своего трона и обратилась по очереди ко всѣмъ тремъ мужчинамъ.

— Спасите моего ребенка! — умоляла она. — Спасите мою бѣдную дочь. Я, я одна виновна въ ея несчастіи. Я должна была оберегать ее въ этомъ чужомъ городѣ.

— Но, м-ссъ Уигъ —! сказалъ сыщикъ. — Сидней не хуже Лондона, а ваша дочь ужъ не такая маленькая. Вамъ не въ чемъ упрекать себя. Не можете же вы все время быть съ ней и слѣдить за ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — простонала мать. — Вы ничего не знаете, вы ничего не понимаете. Для Мэри Сидней опаснѣе всѣхъ городовъ въ мірѣ. И я знала это и пренебрегла своими обязанностями. Это моя вина!

— Глупости! — кричалъ докторъ. — Я знаю, кто виновенъ! Вотъ она — виновница!

И цицероновскимъ жестомъ онъ указалъ на Розину, которая, совершенно уничтоженная, упала на полъ и смотрѣла вдаль испуганнымъ взглядомъ.

Какъ ангелъ мести, всталъ передъ ней докторъ Шаркоттъ и прогремѣлъ:

— Видѣлись вы съ буфетчикомъ съ «Гималайи» или нѣтъ?

— Да, — неслышно прошептала Розина.

— Разскажете все, что было!

— Я не хотѣла,—запинаясь, проговорила она,— но онъ увидѣлъ меня на улицѣ, третьяго дня и сказалъ, что ему надо поговорить со мной— и... и... очень просилъ меня... и я встрѣтилась съ нимъ вчера вечеромъ... и... и я сказала, что не могу вѣрить ему... а онъ сказалъ... онъ дастъ мнѣ доказательство... своей честности. Сегодня.

— Ну—и?

— Я... я не могла... поговорить съ нимъ сегодня... и... и... передъ переѣздомъ сказала ему... что онъ можетъ повидаться со мной... здѣсь, въ Редфернѣ. Но только на минуту. И... и...

— И?

— Когда онъ далъ... условный знакъ, я послала Мэри... къ перевозчикамъ... а онъ задержалъ меня... обѣщаніями. Но я ему прямо сказала, что изъ этого ничего не выйдетъ... и онъ заплакалъ...и, уходя... сказалъ, что придетъ опять. И... и... все... случилось!

— Вы... вы... вы...—очевидно, докторъ не могъ найти подходящаго эпитета для своей экономки, а потому только шопотомъ выругался по-французски, какъ бывало съ нимъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Но какое можетъ быть отношеніе между дамой, увезшей дѣвочку, и индусомъ?—спросилъ м-ръ Джонсъ.

Сыщикъ обмѣнялся взглядомъ съ докторомъ и, не обративъ вниманія ни на вопросъ агента,

ни на мимолетное выраженіе ужаса въ глазахъ м-ссь Уигъ, спокойно отвѣтилъ:

— Любезный м-ръ Джонсъ, поѣдемте вмѣстѣ въ городъ. Мой экипажъ стоитъ на улицѣ.

— Не нужно ли намъ сначала...

— Намъ здѣсь нечего дѣлать. Все необходимое я могу сдѣлать въ полицейскомъ бюро. Мнѣ нужно только описаніе личности индуса. Часамъ къ одиннадцати вечера я буду здѣсь, г. докторъ. Прошу васъ, положитесь на меня, м-ссь Уигъ.

Прежде чѣмъ уйти, онъ шепнулъ доктору:

— Прежде всего я долженъ переговорить съ китаецемъ. Подождите меня здѣсь... и приготовьте все на случай отъѣзда.

Потомъ онъ простился, увезъ агента и оставилъ трехъ новыхъ обитателей виллы наединѣ со своими мало утѣшительными мыслями. Никому изъ нихъ не хотѣлось ни раскладываться, ни готовить ужина и устраиваться на ночь. Розина ушла на кухню и предавалась раскаянію у холоднаго очага. М-ссь Уигъ осталась среди сундуковъ въ гостиной. Передъ ней вставали призраки прошлаго. Они обвиняли ее, говоря:

— Ты согрѣшила,—плодъ грѣха горекъ.

— Но вѣдь я согрѣшила любя,—съ плачемъ возражала она.

— Ты согрѣшила, и вотъ плодъ грѣха!—все время звучали у нея въ ушахъ эти слова, и она продолжала сидѣть въ большой комнатѣ, посте-

пенно все болѣе окутываемой тьмой, словно полной угрозъ и ужаса.

Докторъ Шаркоттъ сидѣлъ на верандѣ, стараясь побороть охватившую его грусть и яснѣе опредѣлить свои чувства.

Всему его широко задуманному опыту грозило полное крушеніе, благодаря совершенно неожиданному стеченію обстоятельствъ. Съ исчезновеніемъ медиума все его предпріятіе погибло. Погибло даже и его небольшое состояніе, которое онъ вложилъ въ это дѣло въ полной увѣренности въ истинность своей теоріи.

А затѣмъ его репутація ученаго! Его имя сдѣлается предметомъ остротъ, къ великому удовольствію педантовъ-филистеровъ и необразованныхъ биржевиковъ.

Но онъ скоро подавилъ свои личныя чувства, освободился отъ прилива тщеславной слабости, отъ сожалѣнія о самомъ себѣ. Вѣдь и все человѣчество понесло тяжелую потерю, благодаря его неосмотрительности.

Еще разъ въ его воображеніи возстала та великая мечта, тѣ планы, на которые онъ возложилъ столько надеждъ. И по сравненію съ значеніемъ той двери, которую онъ хотѣлъ открыть, эта случайная, глупая потеря ключа представилась ему такой тривіальной, такой мелочной, что онъ не хотѣлъ вѣрить въ ея возможность. Это была бы слишкомъ нелѣпая зависимость отъ судьбы, отъ случайности.

Этотъ Уолькеръ молодецъ въ своемъ дѣлѣ! Онъ, навѣрное, найдетъ дѣвочку. Похитители не успѣли еще уѣхать куда-нибудь далеко. И если индусъ, дѣйствительно, замѣшанъ во всемъ этомъ, то китаецъ поможетъ напасть на его слѣдъ.

Чего ради отчаяваться ему, доктору Шаркотту? Развѣ мало приходилось ему переносить превратностей судьбы? Откуда это внезапное, непривычное малодушіе?

Не имѣютъ ли вліянія на состояніе его духа другіе душевное факторы?

Кажется, что такъ. Кажется, что къ горечи разочарованія, страху пораженія, въ глубинѣ души примѣшивается болѣе сильное чувство чистаго человѣческаго горя. Въ первый разъ за многіе годы сердце какъ бы одерживаетъ верхъ надъ исключительной властью разума.

Неужели въ это короткое время дѣвочка стала такъ дорога ему, что потеря ея чувствуется имъ сильнѣе, чѣмъ потеря, понесенная наукой?

Ему живо представилось ея спокойное, довѣрчивое личико и — нѣтъ, невозможно, — а между тѣмъ это такъ: настоящія слезы потекли у него по щекамъ.

Онъ съ гнѣвомъ поднялся со стула.

— Все этотъ проклятый ночной воздухъ! — проворчалъ онъ, утирая глаза. — Лучше пойду въ домъ. Иначе...—

Раздался звонокъ.

Докторъ подошелъ къ садовой калиткѣ. Посыльный протянулъ ему письмо.

— Берите скорѣе!—сказалъ онъ и исчезъ.

Докторъ Шаркоттъ отправился въ потемкахъ на поиски Розины и, отыскавъ ее совершенно убитую горемъ, съ трудомъ уговорилъ ее зажечь газъ въ кабинетѣ.

Онъ разорвалъ конвертъ.

Оттуда выпалъ листъ обыкновенной бѣлой бумаги, на которой было отпечатано, очевидно, на пишущей машинѣ, нѣсколько строкъ, безъ числа, обращенія и подписи:

«Предупреждаемъ васъ: бросьте ваши поиски, если не хотите подвергнуть опасности жизнь дѣвочки и вашу собственную. Если вы послушаетесь, то дѣвочка будетъ вамъ возвращена черезъ нѣсколько недѣль».

Внизу, въ уголкѣ, была нарисована черными чернилами рука.

Когда, черезъ полчаса, изъ города вернулся м-ръ Уолькеръ, онъ нашелъ доктора въ состояніи, граничившемъ съ безуміемъ. Но когда онъ прочелъ угрожающее письмо, то, къ возмущенію Шаркотта, вздохнулъ съ очевиднымъ удовольствіемъ.

— Вы, кажется, не отдаете себѣ яснаго отчета въ опасности, угрожающей дѣвочкѣ! Все погибло!

— Напротивъ... все спасено!—спокойно отвѣтилъ сыщикъ.—Молодчики сами себя выдали и

подтвердили наши смутныя до сихъ поръ подозрѣнія. Но надо дѣйствовать быстро.

— Что же вы думаете дѣлать? — спросилъ докторъ Шаркотъ.

— Ъхать съ раннимъ поѣздомъ въ Батурсть, а передъ тѣмъ послать туда по телеграфу инструкціи. Я сумѣю защитить насъ отъ «черной рѣвки».

— Но...

— Никакого «но»! Довѣрьтесь мнѣ. Это письмо хоть отчасти вознаграждаетъ за потерянное нами сегодня.

— Какъ такъ? Что вы хотите сказать?

— Теперь мы, по крайней мѣрѣ, узнали, что дѣвочка находится у этого негодяя, а также и куда онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, направляется.

— И?

— А - Синъ предательски убитъ сегодня вечеромъ.

VIII.

М-ръ Уолькеръ взялъ на себя всѣ хлопоты по устройству поѣздки въ Батурсть. Рано утромъ на слѣдующій день всѣ четверо (обѣ женщины настояли, чтобы ихъ взяли съ собой) были на станціи желѣзной дороги. Уолькеръ, переодѣтый слугой, заgrimировался такъ, что его не было никакой возможности узнать.

Онъ поѣхалъ съ Розиною во второмъ классѣ,

а докторъ и м-съ Уигъ въ купэ перваго класса, предоставленномъ имъ для долгой поѣздки.

Видъ у всѣхъ былъ усталый, измученный: никто не спалъ ни минуты. Проѣхали много миль, прежде чѣмъ докторъ обратился къ своей спутницѣ.

Онъ былъ въ удивительно хорошемъ расположеніи духа. Глубокая увѣренность сыщика, а можетъ быть и свѣжій утренній воздухъ влили новую надежду въ его сердце. Эта надежда не имѣла никакого отношенія къ его труду, къ его научнымъ планамъ. Онъ съ нѣкотораго рода стыдомъ сознавался себѣ въ этомъ. Можетъ быть, поэтому онъ испытывалъ какое-то странное чувство смущенія въ присутствіи сидѣвшей противъ него молодой женщины.

Онъ, всегда одинокій, замкнутый, всегда избѣгавшій интимныхъ отношеній съ людьми, чувствовалъ теперь потребность высказаться.

Совершенно неожиданно, самъ не зная, какимъ образомъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что какъ будто приносить покаяніе. Можетъ быть то было бессознательное стремленіе отвлечь молодую женщину отъ ея грустныхъ мыслей; или, можетъ быть, это было вызвано ея симпатіей къ нему, которая обнаруживалась даже въ такія горькія минуты, а можетъ быть общее горе соединило ихъ души, общая любовь къ ребенку связала ихъ.

И докторъ рассказывалъ о своей молодости, о своихъ родителяхъ, о первыхъ шагахъ своей

самостоятельной жизни. Онъ описывалъ страну, гдѣ родился, людей, въ средѣ которыхъ выросъ. Тоска по родинѣ зазвучала въ его голосѣ и придавала яркій оттѣнокъ его словамъ. У него словно камень свалился съ груди. Онъ забылъ о своей слушательницѣ. Онъ походилъ на проводника, показывающаго чужестранцу полузабытый садъ, въ которомъ онъ давно не бывалъ. Каждый уголокъ знакомъ ему, но все принимаетъ новый видъ; при каждомъ поворотѣ онъ открываетъ незамѣченную имъ прежде красоту. Доктору и въ голову не приходило, что въ его рассказѣ не было ничего выдающагося, никакихъ интересныхъ событій, романическихъ происшествій, что его жизнь не представляла ничего занимательнаго для постороннихъ.

Но ему посчастливилось найти въ м-ссь Уигъ слушательницу, которая, казалось, не находила скучной ни одной мелочи. Съ раскраснѣвшими щеками, съ блестящими глазами, она слушала его, какъ ребенокъ слушаетъ сказку. И элементъ чудеснаго былъ на-лицо: это было внезапное обнаруженіе скрытаго глубоко въ сердцѣ чувства, скрасившаго печальное существованіе сухого ученаго.

Наступило и важное событіе — гвоздь всей жизни доктора. Его бракъ, послѣ смерти родителей, съ молодой легкомысленной актрисой Эме Карконъ, которая сдѣлала честь своему имени во всѣхъ отношеніяхъ и послѣ короткой, не-

счастной совмѣстной жизни убѣжала отъ него съ однимъ изъ актеровъ.

Онъ развелся съ женой, удалился отъ свѣта и съ тѣхъ поръ жилъ только для науки. Онъ оставилъ родину и переселился въ Лондонъ.

Когда, въ порывѣ охватившихъ его чувствъ, онъ дошелъ до этого эпизода своей жизни, внезапно холодная логика, присущая ему, выступила въ свои права и спросила громко и отчетливо:

— Если ты отказался отъ свѣта и изсушилъ сердце, то отчего же теперь останавливаешься и оглядываешься назадъ?

Неожиданный вопросъ сбиль его съ толку. Да, отчего? Онъ запнулся и перевелъ взглядъ отъ окна на сидѣвшую противъ него женщину. И несмотря на то, что она быстро отвернула голову, такъ какъ глаза ея были полны слезъ, онъ уловилъ ея взглядъ и прочелъ въ немъ отвѣтъ.

— Да оттого, что ты, прозябаль, смотря въ такую даль, долженъ былъ наткнуться на свое счастье для того, чтобъ увидеть его!

Да, теперь онъ можетъ стать живымъ человекомъ среди живыхъ людей, несмотря на трудъ, на мрачныя теоріи. Онъ снова можетъ войти въ тотъ рай, изъ котораго добровольно изгналъ себя изъ-за недостойной женщины. И тамъ, вдали, гдѣ за величественными синими горами, на которыя взбиралась желѣзная дорога, начинается безконечная равнина, среди коле-

блющихся волнъ раскаленного полуденнаго лѣтнаго воздуха, передъ нимъ внезапно встала фата-моргана. По тѣнистой, обсаженной пальмами, аллеѣ, среди травы и цвѣтовъ шло двое людей—мужчина и женщина, а посреди ребенокъ: Мэри! Локомотивъ рѣзко свиснулъ два раза. Должно быть, Батурстъ.

Докторъ снова взглянулъ на молодую женщину. Она тихо плакала.

— Люси!—просто проговорилъ онъ, протягивая обѣ руки.—Люси!

Тормоза заскрипѣли. Поѣздъ внезапно остановился. Молодая женщина не ожидала этого; когда она пришла въ себя, то увидѣла, что лежитъ въ объятіяхъ доктора.

Кондукторъ распахнулъ дверь.

Прошло два дня—два дня усиленныхъ поисковъ для доктора Шаркотта, Уолькера, ихъ помощниковъ изъ Сиднея и мѣстныхъ полицейскихъ; два дня мученій, боязливаго ожиданія и постоянного разочарованія для женщинъ, оставшихся въ отелѣ. Онѣ не смѣли сдѣлать ни шагу изъ дома, такъ какъ каждую минуту могло получиться важное извѣстіе, могъ быть найденъ слѣдъ похищеннаго ребенка.

— Ничего... ничего!

— Мы напали на ложный слѣдъ! — ворчалъ повременамъ докторъ.—Конечно, нашъ пріѣздъ не могъ пройти незамѣченнымъ въ такомъ городишкѣ, какъ Батурстъ.

— А вы почему знаете, что они приѣхали все вмѣстѣ?—возражалъ сыщикъ. — Шайка мошенниковъ слишкомъ хитра для этого.

— Ну, намъ остается только уѣхать. Здѣсь намъ нечего дѣлать.

— Не теряйте мужества, г. докторъ! Въ Сидней работаютъ мои подчиненные и на нашей сторонѣ вся тайная полиція. Все наши шансы здѣсь.

Но Уолькеру становилось все труднѣе успокаивать своего кліента, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ началъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ предположеній. Оставалось ожидать счастливой случайности.

И счастье пришло... хотя иначе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Докторъ Шаркоттъ и Уолькеръ сидѣли въ кабинетѣ главнаго полицейскаго комиссара и совѣщались съ нимъ, когда вошелъ сторожъ.

— Тамъ пришла какая-то женщина, говоритъ, что ей необходимо переговорить съ господиномъ комиссаромъ по очень важному дѣлу.

— Мнѣ некогда.

Сторожъ ушелъ, но вернулся меньше, чѣмъ черезъ минуту.

— Она говоритъ, что вопросъ идетъ о похищенной дѣвочкѣ.

Все трое сразу вскочили на ноги.

— Введи ее сейчасъ! взволнованно сказалъ комиссаръ.

Въ дверяхъ показалась пожилая, черноволосая женщина въ крикливомъ костюмѣ, съ лицомъ оливковаго цвѣта, покрытомъ преждевременными морщинами, съ темными, впалыми глазами.

— Вы комиссаръ? спросила она чиновника въ форменной одеждѣ.

— Анни Хольтъ... Боже мой!—громко вскрикнулъ Уолькеръ.

Женщина обернулась, словно ее укусилъ тарангуль.

— Да, это она!—радостно проговорилъ сыщикъ.

— Вы... началъ комиссаръ, но его перебилъ странный звукъ, раздавшійся позади него, оттуда, гдѣ сидѣлъ докторъ Шаркоттъ—не то рыданіе, не то восклицаніе ужаса.

Чиновникъ обернулся и увидѣлъ, что докторъ упалъ на стулъ и смотрѣлъ на женщину взглядомъ, который какъ бы пронизывалъ ее насквозь.

— Что съ вами, докторъ?

— Боже мой, Боже мой!—пробормоталъ докторъ,—Эме!

Вмѣсто отвѣта раздался пронзительный крикъ; въ этомъ крикѣ какъ бы слились всѣ человѣческія страсти и страданія; такъ иногда молнія въ одно мгновеніе срываетъ передъ испуганнымъ взоромъ темный покровъ ночи съ безконечнаго пейзажа.

Женщина упала въ обморокъ; комиссаръ и Уолькеръ подняли ее и положили на кушетку.

Шаркоттъ стоялъ подлѣ, щупая пульсъ, и смотрѣлъ на спокойное, худое лицо той, которую онъ нѣкогда такъ любилъ, а потомъ такъ ненавидѣлъ. Въ душѣ его было только состраданіе, глубокое состраданіе къ этому бѣдному созданію, на которое порокъ наложилъ свою неизгладимую печать. Онъ невольно вздрогнулъ, когда сравнилъ недавно вызванный имъ образъ съ этимъ поблекшимъ, старымъ лицомъ, которое все еще носило слѣды сходства съ тѣмъ же лицомъ въ молодости. Словно это было дьявольское зеркало, въ которомъ свѣжее розовое личико принимало видъ маски мертвеца.

— Aimée, bienaimée! — пробормоталъ онъ.

Онъ овладѣлъ собою и повернулся къ остальнымъ, въ изумленіи отступившимъ назадъ.

— Это пустяки, господа. Легкій обморокъ, маленькое нервное потрясеніе. Ну, а теперь я объясню вамъ все: нѣкогда эта женщина была моею женой.

— Она извѣстна въ Силнеѣ подъ именемъ Анни Хольтъ и въ послѣднее время жила съ А-Синомъ, — объяснилъ сыщикъ съ большимъ апломбомъ, что было, пожалуй, не совсѣмъ умѣстно.

— Оставьте меня, пожалуйста, съ ней на четверть часа, г. комиссаръ, — сказалъ докторъ.

Комиссаръ поклонился въ знакъ согласія и вышелъ вмѣстѣ съ сыщикомъ изъ комнаты.

Уолькеръ торжествовалъ. Онъ пустился въ длинныя объясненія своихъ выводовъ и пла-

новъ для вящаго вразумленія полицейскаго; но когда тотъ спросилъ его о причинѣ похищенія дѣвочки, Уолькеръ, какъ улитка, ушелъ въ свою раковину. Среди радости побѣды этотъ вопросъ напомнилъ ему, что задача еще не разрѣшена и что главная роль при разрѣшеніи ея будетъ играть докторъ.

Онъ отклонился отъ темы разговора, занялся статистическими вычисленіями возможностей встрѣчъ, подобныхъ той, которая происходила въ сосѣдней комнатѣ, и продолжалъ это занятіе, пока дверь въ комнату не отворилась. Вошелъ докторъ.

Уолькеръ и полицейскій въ ужасѣ отшатнулись при видѣ его. За четверть часа онъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Вокругъ рта залегло такое выраженіе горя, какъ будто онъ только что осушилъ до дна чашу страданія. Не отвѣчая на вопросительные взгляды присутствующихъ, онъ подошелъ къ одному изъ письменныхъ столовъ и набросалъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги. Рука его замѣтно дрожала, но самъ онъ казался неестественно спокойнымъ.

— Отправьте, пожалуйста, эту женщину въ больницу немедленно,—попросилъ онъ комиссара. Я прописалъ ей рецептъ, и рекомендую его коллегѣ. Она больна отъ сильнаго отравленія опиумомъ—ее уже нельзя спасти.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я ее знаю, она постоянно курила опиумъ,—вмѣшался Уолькеръ. — Это сразу

замѣтно. Вѣдь ей на видѣ лѣтъ шестьдесятъ, а въ сущности едва ли тридцать.

— Ну, а какъ насчетъ ребенка?—спросилъ комиссаръ.

— Пойдемъ въ отель, — коротко отвѣтилъ докторъ.

До отеля было нѣсколько шаговъ. Докторъ шелъ впереди, весь погруженный въ свои мысли. Онъ забылъ въ бюро шляпу и палку, но его спутники не рѣшились напомнить ему объ этомъ. Они инстинктивно чувствовали, что передъ ними разворачивается драма, въ которой нѣтъ мѣста мелочамъ будничной жизни.

Въ просторной, большой, полутемной комнатѣ, защищенной отъ ослѣпительныхъ лучей солнца спущенными занавѣсями, м-ссъ Уигъ и Розина сидѣли сложа руки на колѣняхъ въ томительномъ ожиданіи, Розина, чувствуя себя виновной, окружила несчастную мать такой заботливостью и внимательностью, что сдѣлалась необходимой для нея; въ это тяжелое время она стала единственной опорой м-ссъ Уигъ и между ними временно сгладилась разница положеній.

Когда мужчины вошли въ комнату, обѣ вскочили съ мѣста, какъ дѣлали это много разъ. Но теперь онѣ замѣтили выраженіе надежды на лицѣ сыщика.

— Нашли?—спросили обѣ сразу, хватая сыщика за руки.

И радостно повторили: «Нашли», прежде чѣмъ сыщикъ успѣлъ отвѣтить.

Тогда только м-ссъ Уигъ обернулась къ своему жениху и взглянула на него.

И ея радостное волненіе сразу пропало. Протянутыя руки безжизненно опустились, выраженіе ужаса, охватившаго ея сердце, появилось въ ея глазахъ. Сухія губы отказывались произнести хотя бы слово.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ докторъ не подымалъ глазъ; но скоро онъ овладѣлъ собой и попросилъ ихъ сѣсть, а самъ остался стоять и поднялъ глаза на м-ссъ Уигъ. Грустная улыбка мелькнула на его губахъ.

— Люси!—тихо проговорилъ онъ.

— Что?—вся дрожа, прошептала она.

— Ты знаешь... Анни Хольтъ?

Она не шевельнулась. Только выраженіе страха на ея лицѣ стало еще замѣтнѣе.

— Знаешь ты Анни Хольтъ? — повторилъ докторъ.

Сдержанность ея сразу исчезла. Съ крикомъ Люси закрыла лицо руками и упала на стулъ.

— Все... все... открылось!—простонала она.—Я чувствовала, что такъ будетъ.

Докторъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, не обращая вниманія на присутствующихъ, изумленныхъ непонятной для нихъ сценой. Потомъ онъ остановился передъ м-ссъ Уигъ.

— Люси! Знаешь ты, кто была раньше эта

Анни Хольтъ. Эти господа слышали уже отъ меня, кто она. Она никогда не говорила тебѣ этого?

Люси ничего не отвѣтила, но онъ ясно прочелъ отрицательный отвѣтъ въ ея глазахъ и понялъ, что онъ былъ правдивъ. Онъ продолжалъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— Она была моею женою—и ея дитя, твоя Мэри—моя дочь!

Слушатели вскочили съ мѣстъ и возбужденно заговорили всѣ вмѣстѣ. Но м-съ Уигъ не шевелилась. Въ мозгу у нея все перепуталось. Событія были слишкомъ важны и слѣдовали одно за другимъ слишкомъ быстро.

Передъ ней былъ лабиринтъ, изъ котораго не легко было найти выходъ. И она беспомощно смотрѣла умоляющимъ взглядомъ на своего жениха въ ожиданіи, что будетъ дальше.

Остальные набросились на него и засыпали его вопросами. Она не понимала ничего изъ того, что говорилось вокругъ нея; до ея слуха доносился только отдаленный, неясный шумъ, не имѣвшій къ ней никакого отношенія. Она смутно видѣла, какъ Уолькеръ и его товарищъ поспѣшно вышли изъ комнаты. Она сидѣла, словно пораженная громомъ, пока не раздался пронзительный возгласъ Розины:

— Но гдѣ же Мэри?

Она очнулась.

— Дитя мое! дитя мое! — рыдая проговорила она.—Гдѣ мое дитя?

Она вскочила съ кресла, бросилась къ доктору и обвила его шею руками.

— Жакъ!—громко и жалобно проговорила она.— Не покидай меня! И не бери отъ меня моей дочери! Я солгала, но не могла поступить иначе. Прости меня, Жакъ, прости! Вѣдь я не знала!

Онъ нѣжно высвободился изъ ея объятій и подвелъ ее къ креслу. Когда онъ сѣлъ подлѣ нея и, нѣжно глядя по головѣ, сталъ шептать слова утѣшенія, ея страхъ расѣялся. Спрятавъ лицо на его плечѣ, рыдая, рассказала она всю несложную исторію Мэри.

Докторъ, лечившій ее, сказалъ ей, что она никогда не будетъ матерью. Страстное желаніе имѣть ребенка, страхъ, что она не сможетъ удержать любовь мужа, если у нея не будетъ дѣтей—все это навело ее на мысль добыть себѣ откуда нибудь ребенка. Она публиковала въ газетахъ и получила много предложеній. Особенно ей понравилось предложеніе нѣкой Анни Хольтъ, которая говорила объ обстоятельствахъ своей жизни съ цинической откровенностью. Во Франціи ее соблазнилъ какой-то актеръ; она убѣжала съ нимъ изъ дома родителей, послѣдовала за нимъ въ его турнэ и попала къ Сидней. Здѣсь онъ бросилъ ее безъ копѣйки денегъ и она пошла къ китайцамъ.

— Я поняла значеніе ея словъ только послѣ того, какъ побывала у нея нѣсколько разъ. Несмотря на свое паденіе, эта женщина была, по своему,

привязана къ ребенку. Много разъ она хотѣла убить и его и себя. А потомъ вдругъ бросилась на меня, какъ тигрица, у которой хотять отнять дѣтеныша, ласкала дѣвочку, цѣловала ее и клялась, что ни за что не отдастъ ее.

«Крошечный ребенокъ сразу полюбился мнѣ; безконечное состраданіе овладѣло мною, когда я ближе ознакомилась съ окружавшей ее обстановкой и почувствовала предстоящую ему будущность.

«Мужъ принялъ мои намѣренія усыновить дѣвочку, не скажу, чтобъ съ восторгомъ, но и безъ особаго сопротивленія. Въ то время, послѣ нападенія «Черной руки», нервность его дошла до высшей степени, а опасенія преслѣдованій — слишкомъ основательныя — дѣлали его слѣпымъ и глухимъ ко всему, что касалось семейной жизни.

«Наконецъ дѣвочка была формально узаконена. Я стала матерью!

«Но за послѣдніе мѣсяцы нашего пребыванія въ Сиднеѣ счастье мое было отравлено поведеніемъ настоящей матери. Она стала жертвой опіума. Она не отупѣла отъ яда, какъ это бываетъ съ другими, и страдала страшными нервными припадками. Я поминутно получала отъ нея письма то съ угрозами, то съ мольбами показать ей ребенка. Тогда она обѣщала оставить меня въ покоѣ. И я бывала такъ слаба, что часто уступала ея просьбамъ. А чтобы она не прихо-

дила къ намъ, я потихоньку отъ мужа водила къ ней дѣвочку».

Докторъ всталъ, подошелъ къ окну, откинулъ занавѣсъ и грустно взглянулъ на улицу. Такъ вотъ тайна того смутнаго стремленія, которое влекло Мэри, въ гипнозѣ, на Гаванскую площадь! Его гипотеза разрушалась камень за камнемъ.

М-съ Уигъ нѣсколько времени тревожно слѣдила за нимъ, потомъ встала и подошла къ нему.

— Жакъ!—прошептала она.—Неужели ты не можешь простить мнѣ моей лжи? Видишь, такъ трудно было рассказать тебѣ эту исторію... уже ради Мэри, которая по закону моя дочь и считаетъ меня своею матерью. Поэтому-то дѣвочка привела меня въ такой ужасъ тамъ, на пароходѣ, когда захворала и начала описывать припадокъ курильщиковъ опиума. Я сейчасъ же поняла, о чемъ она говоритъ. А потомъ—недавно въ Сиднеѣ... Когда ты съ ней...

Докторъ обернулся къ ней и схватилъ ее за обѣ руки. Онъ былъ очень серьезенъ, но Люси видѣла, что онъ не сердится.

— Люси, я также долженъ покаяться.

Она улыбнулась.

— Я знаю достаточно,—сказала она,—и не хочу—знать больше. Дѣвочка—твоя, Жакъ, и потому теперь дѣйствительно принадлежитъ мнѣ... черезъ тебя! Ребенокъ соединилъ насъ.

— Да, ребенокъ соединилъ насъ, торжественно проговорилъ онъ, но...

Медленно, отрывистыми фразами, онъ сознался Люси въ опытахъ, которые производилъ надъ дѣвочкой. Ему, до сихъ поръ мало думавшему о религіи, теперь казалось, что «личный» Богъ вмѣшался въ его планы, наказуя его для того, чтобы разочарованіемъ въ научныхъ надеждахъ и неожиданнымъ даромъ любви вызвать его изъ уединенія. Взамѣнъ неудавшагося опыта онъ далъ ему жену и дочь.

И все же — его предположенія оправдались до извѣстной степени! Онъ довелъ Мэри до сумерекъ переживанія, хотя и бессознательнаго, но все же переживанія. Его тезисы не опровергнуты, хотя и не доказаны. Въ слѣдующій разъ!

— А брилліанты?—сказала Люси.

— Ну, они, понятно, потеряны. Ихъ я обмѣнилъ на тебя и дочь—ихъ, но не мою теорію.

— И ты...

— Я доволенъ обмѣномъ!—со смѣхомъ проговорилъ докторъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

Внезапно снова раздался голосъ Розины. Влюбленные совершенно забыли достойную миссъ, стоявшую въ темномъ углу, и испугались, услышавъ ея возгласъ:

— Да гдѣ же теперь Мэри?

— Она въ полной безопасности и сегодня же вечеромъ будетъ съ нами. А такъ какъ вы под-

слушали насъ, Розина,--то можете выслушать и заключение: вы поѣдете съ нами, чтобы удостовѣрить личность вашего возлюбленнаго. Не прерывайте меня.

И онъ разсказалъ все, переданное ему его разведенной женой. Она похитила Мэри по настоянію индуса Нурри-Синга, который подговорилъ ее, объясняя свой поступокъ желаніемъ отомстить доктору. Когда онъ назвалъ фамилии Шаркоттъ и Уигъ и описалъ доктора и его спутницу, въ душѣ ея проснулось чувство матери, и она дала согласіе индусу. А Синъ охотно отпустилъ ее за небольшое вознагражденіе.

Но вскорѣ для нея стало ясно, что чернѣйшій дьяволъ преслѣдовалъ какую-то другую цѣль. Онъ посадилъ ее съ Мэри на поѣздъ Западной желѣзной и взялъ имъ билеты до станціи Батурстъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ другой индусъ и отвезъ ихъ на телѣжкѣ внутрь страны въ маленькій поселокъ Эревель. Въ домѣ этого индуса они нашли жалкое пристанище.

Черезъ нѣсколько часовъ явился Нурри-Сингъ, совершенно непохожій на себя, въ грязной европейской одеждѣ; большая черная борода была обрита.

Онъ сразу приступилъ къ выполненію своего плана.

— Благодаря вашей глупости, Розина — замѣтите это себѣ хорошенько, — онъ могъ по цѣлымъ часамъ подсматривать за мной и Мэри,

когда мы бывали вмѣстѣ на «Гималайи». Благодаря вашему легковѣрью, ему — какъ индусу, конечно, знакомому съ гипнотизмомъ — удалось найти ключъ къ моей тайнѣ. И, очевидно, мои выводы показались ему правильными, что собственно должно бы льстить мнѣ. Вблизи мѣстечка Эревель живетъ одинъ изъ предводителей «Черной руки», старый индусъ-факирь, особенно хорошо знакомый (какъ и многіе изъ его товарищей) съ теоріей и практикой гипнотизма. Эти люди достигаютъ иногда невѣроятнаго въ практикѣ внушенія. А... вотъ экипажи! Остальное увидимъ въ Эревелѣ.

Передъ дверью отеля остановились два маленькихъ американскихъ кабриолета; минутою спустя въ комнату вошли комиссаръ и Уолькеръ.

— Все готово! — сказалъ Уолькеръ, — я взялъ съ собой, вмѣсто кучеровъ, двухъ своихъ людей, чтобы сразу уничтожить гнѣздо. Но не мѣшаетъ поторопиться. Намъ предстоитъ длинный путь, да еще по такой жарѣ.

Женщины были готовы во мгновение ока, и нѣсколько минутъ спустя экипажи со стукомъ выѣхали изъ городка и проѣхали мимо двери фермы среди густого облака бѣлой пыли.

Путешественники разговаривали мало. Полуденный зной стоялъ надъ мѣстностью, похожей на паркъ, съ своими большими сѣрыми эвкалиптами. Царившее кругомъ угрюмое однообразіе придавало пейзажу что-то призрачное. Деревья

поднимали свои рѣдкіе листья прямо къ солнцу и почти не бросали тѣни. Скоро исчезли послѣдніе признаки присутствія человѣка; безжалостный солнечный свѣтъ подчеркивалъ общій оттѣнокъ безнадежной заброшенности холмистой мѣстности. Нигдѣ ни замѣчалось не признака жизни; только иногда птицы, какъ злые духи, неприятно крича, проносились надъ знойной пустыней.

— Сюда слѣдуетъ придти тому, кто хочетъ похоронить всѣ свои мечты и надежды,—пробормоталъ докторъ.—А я не хочу этого! Я буду и вѣрить и работать дальше. Быть можетъ и эта древность кругомъ современемъ принуждена будетъ открыть свои воспоминанія, рассказать все пережитое ею. Я буду неуклонно стремиться къ изученію таинственнаго языка прошлаго, стараться найти основную ноту, которая вызоветъ соотвѣтственную вибрацію въ этомъ страшномъ безмолвіи. Только бы перейти первый пограничный столбъ,—къ которому я уже подошелъ такъ близко,—и доказательство возможности достиженія цѣли найдено. И я добьюсь этого! Я найду медиума, который поможетъ мнѣ проникнуть въ духовную жизнь предыдущихъ поколѣній человѣчества. А затѣмъ все дальше и дальше назадъ... все дальше...

Докторъ уснулъ. Колеса экипажа ровно отбивали тактъ, катясь по безмолвному лѣсу, мимо печальныхъ деревьевъ, съ безутѣшной мольбой подымавшихъ свои искривленныя вѣтви къ жестокому небу. Духъ его нашелъ искомый путь.

И ужасъ охватилъ его, когда ему ясно представилась обстановка быта древнихъ племенъ, когда онъ какъ бы вновь проникъ въ эту давно угасшую жизнь. Все дальше и дальше отъ поколѣнiя къ поколѣнiю, все назадъ и назадъ, пока негодованiе и ужасъ не нахлынули на него изъ этихъ разрытыхъ имъ гробницъ воспоминанiй. Такъ вотъ каковы были люди, отъ которыхъ онъ произошелъ! Сознанiе становилось все смутнѣе и смутнѣе, а конца не было видно; путь шелъ все дальше во тьму вѣковъ, мiръ сталъ инымъ — безконечныя моря, потоки заливали все... Вдругъ страшный толчокъ!

— Проснитесь, г. докторъ! Эревель!

IX.

Поселокъ Эревель состоялъ изъ разбросанныхъ по обѣ стороны полувывсохшаго ручья домовъ съ соломенными крышами, обмазанныхъ глиной, шалашей и палатокъ. Въ центрѣ его находилось зданiе, въ которомъ помѣщались магазинъ, двѣ харчевни и почтовое отдѣленiе. Большая часть жителей состояла изъ китайцевъ, индусовъ и негровъ, золотые прiиски вблизи поселка были уже сильно истощены, а потому приносили мало дохода.

Нѣкогда Эревель пользовался извѣстностью среди золотоискателей, такъ какъ здѣсь были

найлены богатыя залежи золотой руды и находили бриллианты и рубины, но они не окупали даже промывки, такъ какъ камни были невелики и малоцѣнны.

Въ данное время жизнь въ поселкѣ постепенно замирала. Нетребовательный китаецъ, правда, еще продолжалъ промывать рѣчной песокъ и разводить овощи, да нѣсколько бѣлыхъ оставались тутъ, такъ какъ имъ некуда было уйти. Но уже издали было замѣтно, что внѣшній міръ не заботился о немъ, и Эрevelь медленно возвращался къ первобытному состоянію, изъ котораго нѣкогда его вывелъ какой-то счастливый золотоискатель.

Нѣсколько въ сторонѣ, между брошенными и развалившимися старыми лавчонками, стояла хижина довольно большихъ размѣровъ, сколоченная изъ древесной коры, досокъ и пустыхъ бочекъ. Разведенный передъ ней палисадникъ указывалъ, что тутъ еще живутъ люди.

Внутри хижина раздѣлялась на-двое перегородкой изъ грязной дерюги. Мебели было мало.

Въ углу болѣе просторной комнаты трещали дрова; дымъ отъ огня выбивался наружу сквозь щели въ крышѣ. Стѣны и потолокъ сильно закоптѣли и все помѣщеніе производило впечатлѣніе крайней запущенности.

Наступалъ вечеръ. Солнце еще стояло на западѣ надъ горами, но сквозь пыль, носящуюся

въ воздухѣ, оно казалось громаднѣмъ шаромъ раскаленнаго метала.

Широкая полоса расплавленнаго золота вливалась въ узкое оконное отверстіе жалкой хижины и падала какъ разъ туда, гдѣ на пустомъ ящикѣ неподвижно сидѣла бѣлая дѣвочка съ закрытыми глазами — Мэри. Она была блѣдна, видъ у нея былъ жалкій, одежда въ беспорядкѣ.

Вокругъ нея суетились два индуса и два китаецъ. Они слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за движеніями старика съ длинной бѣлой бородой, въ грязномъ тюрбанѣ на голомъ черепѣ. Старикъ поражалъ своей ужасающей худобой; лицо его было покрыто такой корой грязи, что невозможно было опредѣлить, къ какой національности онъ принадлежитъ. Живыми въ немъ казались только его темные глаза, съ злобнымъ блескомъ скользившіе по неподвижному лицу Мэри.

— Ну, что ты видишь?—внезапно спросилъ онъ хриплымъ голосомъ на плохомъ англійскомъ языкѣ.

Дѣвочка едва замѣтно покачала головой.

— Ты видишь твоего отца!—внушительно проговорилъ старикъ и его горящіе глаза впились въ лицо жертвы.

Губы дѣвочки раскрылись.

— Я... вижу...—начала она тихимъ, монотоннымъ голосомъ и снова остановилась, какъ бы неувѣренная въ томъ, что видѣла.

— Ты видишь...

— Я вижу городъ... моего отца... моего...

Съ крикомъ она безсильно откинулась къ стѣнѣ.

Одинъ изъ индусовъ подскочилъ и поднялъ дѣвочку, осыпая ее грубой бранью.

Старикъ сказалъ нѣсколько словъ, и дѣвочку отнесли въ смежное помѣщеніе. Тогда факиръ заговорилъ на малайскомъ нарѣчїи, понятномъ для всѣхъ:

— Сегодня невозможно продолжать. Что-то—я самъ не знаю что—испугало ее. Нѣчто неизвѣстное намъ—неизвѣстное и бѣлому. Посмотримъ, что будетъ завтра. Я еще разъ разспрошу бѣлую женщину.

— Да, но гдѣ же Анни?—спросилъ одинъ изъ китайцевъ.

— Не знаю,—сказалъ индусъ, принявшій Мэри къ себѣ.—Она хотѣла вернуться сегодня послѣ полудня. Но, можетъ быть, она что-нибудь услышала, тогда останется, чтобъ провести полицію.

— Ты увѣренъ въ ней?

— Увѣренъ, какъ...

— Ни съ мѣста!—раздалось въ дверяхъ.

Всѣ въ испугѣ вскочили, но прежде чѣмъ они успѣли опомниться, въ комнату вошли четверо бѣлыхъ съ поднятыми револьверами.

— Руки вверхъ!—раздалась снова команда, и руки испуганныхъ заговорщиковъ поднялись кверху.

— Вы — мои плѣнники. Смитъ, надѣньте на нихъ кандалы.

Ошеломленные заговорщики безпрекословно позволили связать себя, пока дѣло не дошло до послѣдняго, высокаго, мускулистаго человѣка. Когда констэбль подошелъ къ нему съ короткимъ приказаніемъ: «Давай руки!» онъ съ быстротой молніи, ударилъ полицейскаго кулакомъ въ лицо такъ, что тотъ отшатнулся, и могучимъ прыжкомъ выскочилъ изъ окна.

Но комиссаръ не уступалъ ему въ быстротѣ дѣйствій.

— Тафъ! тафъ!—раздались одинъ за другимъ два выстрѣла.

Бѣглець пошатнулся и съ страшнымъ крикомъ упалъ мертвый съ откоса въ ручей.

Комиссаръ равнодушно обернулся, зарядилъ револьверъ и велѣлъ связать плѣнниковъ вмѣстѣ. Потомъ онъ вошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Она здѣсь, г. докторъ!—крикнулъ онъ.— Она, кажется, спитъ.

Докторъ Шаркоттъ поспѣшно вошелъ въ комнату и нагнулся надъ дѣвочкой, лежавшей на жесткой кровати.

— Собака!—прошипѣлъ онъ и прибавилъ, выпрямляясь:— Мы поспѣли какъ разъ вовремя, господа. Она въ глубокомъ гипнозѣ. Я отнесу ее въ харчевню.

Съ нѣжной заботливостью онъ поднялъ легкое тѣльце ребенка и понесъ его, при свѣтѣ вечер-

ней зари, къ дому, около котораго стояли ихъ экипажи. За нимъ слѣдовала процессія плѣнниковъ, а въ концѣ на двухъ скрещенныхъ палкахъ несли трупъ индуса.

На полдорогѣ процессію встрѣтили м-ссь Уигъ и Розина. Онѣ слышали выстрѣлы и, не вытерпѣвъ, выбѣжали на улицу.

— Мэри! Мэри!—рыдала м-ссь Уигъ, покрывая ребенка поцѣлуями.—Мэри, ты не слышишь меня?

Дѣвочка съ трудомъ, словно приходя въ себя послѣ глубокаго обморока, открыла глаза и съ удивленіемъ оглянулась вокругъ.

— Мама... это ты... въ самомъ дѣлѣ, ты? Я видѣла такой ужасный сонъ. Я думала... я...

— Успокойся, Мэри, успокойся!—ласково сказалъ докторъ.—Все прошло. Ты съ нами. Никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ.

— Но гдѣ же злые черные люди. И женщина... Она сказала, что она моя мать.

— Глупости, дѣточка! Вотъ твоя мать... и твой отецъ,—тихо прибавилъ онъ.

— Вотъ они... О, мама, возьми меня отъ нихъ... Они хотятъ, чтобы я захворала... пожалуйста, возьми меня, возьми.

Докторъ поспѣшно пошелъ дальше со своей ношей. Люси шла рядомъ съ нимъ.

Розина осталась позади и со страхомъ смотрѣла на носилки.

— Онъ мертвъ?—робко спросила она.

Носильщики утвердительно кивнули головой. Розина увидѣла искаженное лицо индуса.

— Нурри-Сингъ!— въ ужасѣ простонала она.

— Какъ? Этотъ буфетчикъ?— съ удивленіемъ спросилъ Уолькеръ.

— Это Нурри-Сингъ, — машинально отвѣтила Розина.

Такъ вотъ чѣмъ окончился этотъ романическій эпизодъ, единственный въ ея жизни. Разстроенная, шла она за носилками.

Въ харчевнѣ хозяинъ, котораго сильно взволновало и немало смутило появленіе столь многочисленныхъ пріѣзжихъ, приготовилъ все необходимое для ночлега. Онъ отдалъ свою комнату дамамъ, а мужчины должны были спать въ столовой на матрасахъ, мѣшкахъ и одѣялахъ.

Ему удалось также приготовить для гостей цѣлый обѣдъ, главную роль въ которомъ играла солонина весьма почтеннаго возраста. Между тѣмъ передъ домомъ собралось избранное общество мѣстечка. Представители его толпились на пескѣ, набивали трубки и горячо обсуждали событія дня.

Сначала распространилось извѣстіе о пріѣздѣ желаннаго спекулятора, котораго Эревель напрасно ожидалъ десять или двадцать лѣтъ. Большинство не совсѣмъ ясно понимало, что собственно намѣревался купить этотъ богачъ.

Затѣмъ стало извѣстно, что дѣло идетъ объ арестѣ какихъ-то желтолицыхъ, похитившихъ

бѣлую дѣвочку. Разочарованіе было не слишкомъ сильно, такъ какъ жители Эревеля привыкли къ разочарованіямъ, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько рыба привыкаетъ къ удочкѣ. Они были благодарны и за то, что дѣло, всетаки, оказывалось довольно интереснымъ, поговаривали о судѣ Линча и рассказывали ужасныя исторіи, хранящіяся въ неписанныхъ архивахъ мѣстечка.

Они молча разступились, когда появился докторъ съ ребенкомъ. Онъ внесъ Мэри въ спальню и заботливо положилъ ее на постель. Поймавъ усталый, но полный благодарности и довѣрія взглядъ маленькой больной, онъ быстро нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ, потомъ оставилъ на попеченіи матери и Розины.

Когда онъ вышелъ на улицу, къ нему подошелъ какой-то старый рудокопъ и спросилъ:

— Вы... докторъ?

— Да. А что?

— Такъ пойдемте со мной туда, въ палатку, по близости. Тамъ лежитъ бѣлый, раненый въ грудь. Можетъ быть, вы еще можете помочь ему. Сюда, въ Эревели, не залучишь доктора.

— Но со мной нѣтъ инструментовъ. Да я и не практикую.

— Ну, пойдемте. Можетъ быть, и поможете.

И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ онъ повелъ доктора къ берегу ручья, гдѣ среди группы громадныхъ деревьевъ стояла маленькая палатка. Внутри на цыновкѣ лежалъ какой-то человѣкъ.

— Какъ это случилось?—спросилъ докторъ.

— Не знаю. Одинъ изъ моихъ старыхъ товарищей нашель его сегодня лежащимъ здѣсь въ палаткѣ. Онъ былъ безъ сознанія и съ тѣхъ поръ не сказалъ ни одного путнаго слова. Когда я спросилъ, кто ранилъ его, онъ со стономъ проговорилъ что-то о «Черной рукѣ». Очевидно, это негры или китайцы такъ здорово отдѣляли бѣднягу.

Докторъ испугался. Его пути постоянно пересѣкались съ темными путями преступнаго общества.

Онъ сжалъ зубы, подошелъ къ ложу больного, наклонился и взглянулъ ему въ лицо. Уже смеркалось.

Больной отвѣтилъ на взглядъ доктора пристальнымъ взглядомъ. Онъ пересталъ стонать, глаза его широко раскрылись, нижняя челюсть отпала, все дрожавшее тѣло замерло...

Внезапно онъ приподнялся.

— Докторъ Шаркоттъ!—прохрипѣлъ онъ.

Докторъ сильно вздрогнулъ. Безконечное изумленіе выразилось на его лицѣ.

— Не можетъ быть! Невозможно! Не можетъ быть!—пробормоталъ онъ про себя.—Вы въ самомъ дѣлѣ докторъ Шаркоттъ?—задыхаясь, проговорилъ больной и медленно откинулся на подушкѣ.

Кровь хлынула у него изо рта.

— Онъ умираетъ, г. докторъ!—крикнулъ рудокопъ.

Докторъ не былъ въ состояннн двинуться съ мѣста.

— Невозможно! — повторялъ онъ. — Невозможно!

Рудокопъ сильно тряхнулъ его за плечо.

— Что съ вами? Помогите же ему!

Докторъ механически пощупалъ пульсъ у пациента и тутъ только пришелъ въ себя. Врачъ проснулся въ немъ. Съ помощью рудокопа онъ осторожно приподнялъ раненаго и, насколько было возможно, освидѣтельствовалъ его рану. Докторъ обмылъ рану и перевязалъ ее.

— Выживетъ онъ?—спросилъ рудокопъ.

Докторъ только покачалъ головой. Онъ влилъ больному въ ротъ немного вина, которое было съ нимъ, и при этомъ пристально, молча смотрѣлъ ему въ лицо.

Пациентъ немного оправился и пробовалъ заговорить. Но это ему не удалось; тогда онъ ощупалъ дрожащей рукой руку доктора и знакомъ показалъ, что хочетъ, чтобъ его подняли.

Докторъ и рудокопъ осторожно приподняли его.

— Подъ... подушкой!—прохрипѣлъ онъ и новый потокъ крови залилъ ему ротъ.

— Что это съ нимъ?—освѣдомился рудокопъ.

— Раненъ въ легкое... надежды нѣтъ! — пробормоталъ докторъ, засовывая руку подъ подушку.

Тамъ лежали бумаги. Докторъ вынулъ ихъ, и больной утвердительно кивнулъ головой.

Послѣдняя полоса темно-краснаго свѣта проникла въ палатку, — прощальный привѣтъ дня, принесшаго только смерть и преступленіе. Она казалась струей крови, подобной той, которая текла по груди больного.

Докторъ поднесъ бумаги къ свѣту и старался разобрать подпись.

— Боже мой! — прошепталъ онъ. — Значить, это правда!

Онъ снова подошелъ къ больному.

— Томасъ Уигъ! — глухо проговорилъ онъ.

Лучъ сознанія промелькнулъ въ безжизненныхъ чертахъ.

— Здѣсь ваша жена... Люси; я велю привести ее. И... и... и...

Одно мгновеніе онъ колебался, потомъ преодолѣлъ себя и прибавилъ:

— И ваша дочь Мэри!

Что-то въ родѣ успокоенія появилось на блѣдномъ лицѣ, выдѣлявшемся при красномъ свѣтѣ на темномъ фонѣ палатки; едва замѣтная улыбка заиграла на дрожащихъ, запекшихся кровью губахъ больного.

— Идите скорѣй въ гостиницу, — сказалъ докторъ Шаркоттъ рудокопу, — и приведите м-съ Уигъ. Скажите только, что мнѣ нужно какъ можно скорѣе поговорить съ ней. Поторопитесь. Конецъ близокъ.

Рудокопъ убѣждалъ.

Умирающій еще разъ протянулъ руку, указывая на бумаги въ рукѣ доктора, и, сдѣлавъ послѣднее усиліе, произнесъ:

— Люси!

Волна крови хлынула изъ легкихъ на кровать. Дрожь пробѣжала по членамъ; тѣло вытянулось и стало неподвижнымъ.

Томасъ Уигъ умеръ.

Докторъ осторожно закрылъ вѣки надъ угасшими глазами.

На улицѣ слышались быстрые шаги. Докторъ поспѣшно вышелъ изъ палатки и задернулъ полосу холста, замѣнявшую дверь, потомъ онъ рассказалъ все м-ссъ Уигъ.

Всю ночь она просидѣла при слабомъ свѣтѣ свѣчи у трупа убитаго.

Рудокопъ, призвавшій доктора Шаркотта, пошелъ съ нимъ обратно въ харчевню.

— Это его жена? серьезно спросилъ онъ.

— Да... его жена.

— Я — Дикъ Мёрфи. Я зналъ его давно... еще въ Сиднеѣ... десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ поручилъ мнѣ, въ случаѣ его смерти, переслать бумаги въ Лондонъ, его женѣ.

— Теперь это не нужно.

— Я понимаю. Пойдемте со мной.

Докторъ сѣлъ въ комнатѣ у постели своей спящей дочери и прочелъ то, что Томасъ Уигъ, словно предчувствуя насильственную смерть, написалъ своей женѣ.

Эревель. 15-го ноября 1899 г.

Я не могъ поступить иначе, Люси! Я долженъ былъ исчезнуть и хотѣлъ, чтобы меня сочли умершимъ. Для того, чтобы отдѣлаться, наконецъ, отъ ужаснаго шпионства и преслѣдованій «Черной руки».

Я не могъ посвятить тебя въ свою тайну. Я не могъ подвергнуть тебя отчаянію, страху, боязни призраковъ — всему тому, что отравляетъ мнѣ жизнь, каждый часъ моего существованія въ продолженіе многихъ лѣтъ. Если посчастливится — успѣю все рассказать тебѣ. Въ случаѣ несчастья — лучше тебѣ ничего не знать. Тогда я уничтожу эти записки, которыя написалъ только на случай преждевременной смерти. У меня такое чувство, какъ будто конецъ близокъ, можетъ быть, потому, что я опять здѣсь въ Эревелѣ, одномъ изъ главныхъ мѣстопробываній «Черной руки». И ихъ предводитель, старый факиръ, все еще живетъ здѣсь. Вчера я видѣлъ его. Врядъ ли онъ узналъ меня. Впрочемъ, какъ знать?..

Фарсъ съ самоубійствомъ въ Фолькстонѣ удался на славу. Я отправился во Францію на рыболовномъ катерѣ — нужныя бумаги были уже давно заготовлены — въ Марсель, а оттуда на одномъ изъ пароходовъ «Messageries Maritimes» въ Австралію подъ видомъ эмигранта.

Здѣсь у меня были спрятаны брилліанты раньше, чѣмъ я встрѣтилъ тебя и женился. Они

лежать въ землѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ моя палатка.

Долго я обдумывалъ, куда мнѣ спрятать дорогіе камни такъ, чтобъ не могли догадаться ищейки «Черной руки». Надо было дать пройти нѣсколькимъ годамъ, прежде чѣмъ можно было воспользоваться ими.

Ничто не казалось мнѣ достаточно безопаснымъ... пока наконецъ не пришла мысль, которую я привелъ въ исполненіе. Когда я былъ золотоискателемъ, я провелъ нѣсколько времени на золотыхъ россыпяхъ Новаго Южнаго Валлиса и, между прочимъ, побывалъ въ Эревелѣ, гдѣ въ то время можно было еще добывать кое-что. Въ томъ мѣстѣ берега ручья, гдѣ я производилъ развѣдки, почва — какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ — была совершенно такая же, какъ въ Кимберлеѣ. Но я скоро убѣдился въ справедливости того, что говорили мнѣ: золота было мало и разработка россыпей не давала дохода.

Тогда-то и пришла мнѣ въ голову та мысль, о которой я упомянулъ раньше.

Я спряталъ камни въ землю, старательно прикрылъ ихъ мусоромъ и щебнемъ и засадилъ все пространство деревцами. Впослѣдствіи я могъ сдѣлать находку — открыть новыя брилліантовыя россыпи въ Австраліи. Вотъ въ чемъ состоялъ мой планъ.

Тогда я сталъ открыто жаловаться на неудачу, говорилъ, что ничего не нашелъ на своемъ

участкѣ — что была сущая правда. Меня подняли на смѣхъ и я собрался перейти въ другое мѣсто.

Я недалеко уѣхалъ, отправился прямо въ Батурсть, а оттуда съ первымъ поѣздомъ проѣхалъ въ Сидней. Въ послѣдній день со мной случилось происшествіе, которое заставило меня бояться этого уединеннаго мѣста.

Тогда на приискахъ было еще мало цвѣтныхъ рабочихъ, такъ какъ бѣлые еще не бросили разработки. Немногочисленные китайцы и индусы жили далеко отъ центра; ихъ мало было видно. Но когда я однажды, ища свою лошадь, забрелъ въ монгольскій кварталъ, я встрѣтилъ... предводителя «Черной руки», стараго факира, который и посейчасъ находится тамъ.

Не думаю, чтобы онъ узналъ меня. Но я страшно перепугался. Я бросилъ поиски и на слѣдующій день былъ уже въ Сидней. Остальное ты знаешь.

Одно только прибавлю... прости меня!

21-го ноября 1899 г.

Второпяхъ.

Все кончено, Люси! У меня нѣтъ больше силъ!

Сегодня я встрѣтилъ своего самого страшнаго врага, негодяя, который слѣдилъ за мной въ Лондонѣ; очевидно, онъ послѣдовалъ за мною и сюда и сегодня нашелъ меня здѣсь.

Его зовутъ Нурри-Сингъ.

Это, должно быть, самъ дьяволъ. А я-то думалъ, что мнѣ удалось вполне скрыть мой слѣдъ. А вотъ онъ здѣсь!

Нѣтъ больше силъ. Это послѣднее разочарованіе, послѣдняя соломенка, за которую я ухватился, лопнула.

Что хорошаго было у меня въ жизни? Но, можетъ быть, Богъ милосердъ и наказалъ меня за мое преступленіе еще здѣсь, на землѣ, чтобы я безъ грѣха перешелъ въ другой міръ... Я не буду больше бороться.

Все кончено, Люси! И я самъ выношу себѣ приговоръ. Я не буду ожидать кинжала предателя.

Но ты... ты и ребенокъ, вы должны быть вознаграждены за то, что выстрадали изъ-за меня.

Я посылаю вамъ это письмо съ старымъ товарищемъ, человѣкомъ съ душой такой же бѣлой, какъ и его кожа. Онъ изъ Эревелия, зовутъ его Ричардъ Мёрфи. Онъ извѣстенъ во всемъ округѣ; вы всегда можете узнать его адресъ, въ случаѣ, если онъ покинетъ это гнѣздо.

Найти мѣсто, гдѣ лежатъ брилліанты, очень легко съ помощью прилагаемой карты. Но не идите по моимъ слѣдамъ! Вступи въ сношенія съ Кимберлейскимъ обществомъ, Люси, и предложи ему доставить брилліанты за извѣстное вознагражденіе. Не открывай тайны даромъ... хотя бы ради нашего ребенка! Пусть же я, несчастный, страдалъ не напрасно!

Дальше... ты найдешь еще тщательно составленный списокъ самыхъ выдающихся и опаснѣйшихъ членовъ «Черной руки», а также подробное описаніе совершенныхъ ими преступленій. Повѣрь мнѣ, Люси, я ничего не зналъ раньше. Этотъ списокъ попалъ мнѣ въ руки въ Южной Африкѣ, когда было уже поздно отступать.

Отдай его лондонской полиціи. Она уже позаботится объ остальномъ, и вы съ Мэри будете навсегда избавлены отъ опасности, преслѣдовавшей меня.

Въ послѣдній разъ — прощай! Поцѣлуй за меня нашу дѣвочку и никогда не рассказывай ей, кѣмъ былъ ея отецъ.

А ты... ты... прости меня, Люси!

Первый день Новаго года въ Индійскомъ океанѣ. Синее море, еще болѣе синее небо и теплый вѣтеръ.

На палубѣ большого французскаго парохода, возвращавшагося на родину, плотно прижавшись другъ къ другу, сидѣли на соломенныхъ стульяхъ докторъ Шаркоттъ и его жена.

— Я внимательно прочелъ письмо Уолькера, которое получилъ вчера въ Аделаидѣ, Люси, — сказалъ докторъ.

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу молодой женщины. Шаркоттъ замѣтилъ это и поцѣловалъ ея руку.

— Сегодня мы торжественно выбросимъ за бортъ наше прошлое, Люси. Только для того, чтобы успокоить тебя, скажу, что грозный призракъ «Черной руки» не существуетъ болѣе для насъ. Полиція въ Сиднеѣ, по списку Уига, захватила предводителей шайки; по телеграммамъ, даннымъ въ Лондонъ и Южную Африку, захвачены еще нѣсколько членовъ и судъ присяжныхъ уже вынесъ приговоръ. Молодцы, когда увидѣли, что дѣло идетъ о жизни или смерти, выдали другъ друга; трое изъ преступниковъ, между ними факиръ изъ Эревелия, приговорены къ повѣшенію, остальные къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Уолькеръ увѣренъ, что шайка уничтожена вполнѣ. Если на свободѣ и остался еще кто-нибудь изъ нихъ, то они врядъ ли будутъ опасны. Да и ихъ знакъ — черная рука — извѣстенъ теперь всему міру, что заставитъ ихъ быть особенно осторожными. Уолькеръ, конечно, очень гордится своимъ успѣхомъ. Онъ считается по праву однимъ изъ лучшихъ сыщиковъ и получилъ, говорятъ, очень хорошее мѣсто.

— А... ты, запинаясь проговорила Люси, ты меня понимаешь... вѣдь Томасъ...

— Это останется навсегда невыясненнымъ, — серьезно сказалъ докторъ. — Понятно, что, когда дѣло шло о собственной шкурѣ, шайка держалась вмѣстѣ и лгала заодно. Уолькеръ считаетъ, что несчастный былъ убитъ. Обвиняемые показали, что не знали о присутствіи Уига въ Эре-

велѣ. Его тайна съ нимъ въ могилѣ... и, можетъ быть, только Нурри-Сингъ!

Докторъ мрачно посмотрѣлъ внизъ на сверкающую воду.

— И я радъ, что Эме... Анни,—поправился онъ,—которой, несмотря на всѣ ея прегрѣшенія, мы такъ много обязаны и показанія которой такъ облегчили ходъ процесса, можетъ теперь мирно окончить свое несчастное существованіе. Боже, сжапись надъ ея душой!

Жена его тихо плакала.

— Люси!— снова заговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія.— Забудемъ прошлое. Передъ нами вся жизнь.

Потомъ онъ прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Нашъ пріятель, м-ръ Джонсъ изъ Сиднея сообщаетъ мнѣ, что за находку брилліантовъ на нашу долю приходится около ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Какъ видишь, Мэри богатая наследница!

Люси улыбнулась сквозь слезы.

— Какъ дѣвочка поправилась!— прошептала она,— за послѣднія недѣли она стала совсѣмъ другой.

— А такъ какъ теперь мы воземъ ее не въ туманный, холодный Лондонъ, а на мою прекрасную родину, то свѣжія розы на ея щекахъ никогда не поблекнутъ! Вотъ и она бѣжитъ къ

намъ.—Ну, какъ поживаешь, сумасшедшая? А гдѣ же Розина?

Дѣвочка бросилась цѣловать отца и мать.

— Миссъ Феканъ внизу. Она разговариваетъ съ буфетчикомъ.

Докторъ громко разсмѣялся.

— Слава Богу, буфетчики здѣсь бѣлые.

— Она неисправима,—проговорила Люси.

— Нѣтъ... только упряма,—поправилъ ее докторъ Шаркоттъ. — Неудача не пугаетъ ее такъ же, какъ и меня. Она уже начинаетъ новый опытъ; современемъ, вѣроятно, и я примусь за то же.

— Но не надъ Мэри, надѣюсь?!

— О, нѣтъ, вѣдь это было бы то же, что дѣлать ихъ надъ самимъ собой!

И онъ привлекъ дочь въ свои объятія.

